

Военные
Приключения

"ПЧЕЛА" УЖАЛИТ ЗАВТРА

ВАСИЛИЙ ВЕДЕНЕВ

Военные приключения (Вече)

Василий Веденеев

«Пчела» ужалит завтра

«ВЕЧЕ»

2008

Веденеев В. В.

«Пчела» ужалит завтра / В. В. Веденеев — «ВЕЧЕ»,
2008 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-7344-9

Предотвращение провокации, едва не ставшей причиной новой страшной войны, срыв планов всемогущей американской разведки по свержению демократического правительства в молодой независимой республике или, наоборот, оказание помощи патриотам в борьбе против кровавого режима военной хунты – все это дело рук главных героев повестей Василия Веденеева. Новая книга признанного мастера приключенческого жанра доставит истинное удовольствие всем любителям остросюжетной литературы!

ISBN 978-5-4484-7344-9

© Веденеев В. В., 2008

© ВЕЧЕ, 2008

Содержание

«Пчела» ужалит завтра	6
Покушение	34
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Василий Веденеев

«Пчела» ужалит завтра

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© Веденеев В.В., 2008

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

«Пчела» ужалит завтра

Четверка «фантомов», резко опустив носы, спикировала вниз, метнув из-под скошенных крыльев длинные огненные молнии ракет; глухо ухнула земля от взрывов, противно потянуло гарью, уши заложило от визга и криков раненых. Новое пике, вновь из-под крыльев скользнули стрелы ракет, еще один удар, словно бьют тяжелым молотком в широкую грудь земли. Сразу стало нечем дышать, и Сэм Грант... проснулся.

Опять тот же надоедливый кошмар! Неужели он будет преследовать его всю оставшуюся жизнь, как только закроешь глаза? Временами хочется разбежаться и разбить голову о стену или прыгнуть из открытого окна вниз, только бы больше не мучиться так во сне, покрываясь липким, противно-холодным потом и вновь переживая ужасы войны. О, если бы он знал, что его ждет, когда их подразделение морской пехоты неожиданно направили выполнять задание президента на Гренаде, Сэм просто прыгнул бы за борт и никогда не ведал таких мучений.

Сегодня он решил попробовать пережить свой навязчивый кошмар и лег спать днем. Но уловка не удалась – во сне снова жутко выли ракеты, снова все вокруг пылало, и противный запах горелого человеческого мяса назойливо лез в ноздри...

Сэм медленно провел рукой по мокрому от пота липу и тяжело сел, опустив босые ступни на прохладный глиняный пол. Холодок утрамбованной глины пополз от ног выше, к груди, умеряя бешеное биение сердца. За окном противным высоким голосом кричал уличный торговец, расхваливая свой грошовый товар, за стеной монотонно стучала пишущая машинка, – кто там живет, Сэм никогда не интересовался – зачем? – здесь он чужой всем и все так же чужды ему. Плевать на все и на всех!

Наскоро умывшись, Грант оделся и вышел на улицу. Постоял немного, привыкая к яркому солнечному свету, ослепившему после привычного полумрака его затхлой конуры, и, не торопясь, зашагал к дешевому итальянскому ресторанчику – надо перекусить, а потом опять идти на поиски работы и денег или, если вам так хочется, денег и работы.

Настроение было отвратительным – монет почти не осталось, вокруг чужая жаркая страна, чужие равнодушные люди, чужой, уже начавший раздражать, язык, чужие непонятные обычаи, а дорога домой заказана. Там, в Штатах, возвращению Гранта могут обрадоваться только власти, которые не преминут упрянуть его в тюрьму за дезертирство. Впрочем, плевать на это, – домой он пока не собирается, тем более, что самого дома просто-напросто нет.

В ресторанчике, вернее в забегаловке, которую содержал пожилой, хитроглазый итальянец, Грант взял порцию спагетти с двойным соусом и уселся за колченогий столик в углу. Наматывая спагетти на вилку и меланхолично отправляя их в рот, он размышлял о том, сможет ли завтра вновь позволить себе такое пиршество – надо купить сигарет, заплатить за каморку хозяину-турку, зайти в лавку за новыми носками... А еще надо бы купить лезвий, а это опять деньги, деньги. Хотя с лезвиями, наверное, можно поступить проще всего – стоит попробовать не бриться и отпустить бороду: вот тебе и экономия. Сэм невесело усмехнулся.

– Разрешите?

Подняв глаза, Грант увидел перед своим столиком средних лет мужчину с маленькими черными глазками. Гавайская рубашка туго обтягивала его жирные плечи и весело выпиравшее круглое брюшко.

– Разрешите? – повторил мужчина и, не дожидаясь ответа, плюхнулся на свободный стул. Поставил на стол открытую бутылку джина и два стакана. Налил и один стакан небрежно подвинул к Сэму.

– Выпьем?!

– С какой стати? – мрачно поинтересовался Грант, разглядывая незнакомца. Дать этому, в пестрой гавайской рубашке, сразу понять, что он, Сэм, не собирается здесь долго засиживаться и, тем более, лакать дешевое пойло с кем попало, или....

– Я угощаю, – махнул короткопалой рукой черноглазый. Его глазки-бусинки при улыбке прятались в складки набрякших век, как изюминки в рыхлое тесто. – Я слышал, вы объяснились с хозяином по-французски?

– Я не француз, – все так же нелюбезно буркнул Грант. – Ошиблись адресом.

– Ну, все равно, белый человек среди этих... – толстяк неопределенно покрутил в воздухе рукой и небрежно тронул стакан Гранта краем своего стакана. – За белых людей!

Немного поколебавшись, Сэм взял стакан и влил в себя сивушную жидкость, сразу почувствовав, как спиртное обжигающей волной подкатило к голодному желудку. Незнакомец тут же налил еще.

– Дикая жара... – вытирая лоб скомканным мокрым платком, доверительно, как давнему знакомому, пожаловался толстяк. – Невозможный климат, поверьте, просто невозможный. Меня зовут Огюст Реми, а вас? – спросил он, снова поднимая свой стакан.

– Грант. Сэм Грант.

– Англия? Нет, судя по выговору, скорее Канада или Штаты. Так? – Реми предложил Гранту сигарету. – В добрые старые времена в Северной Африке все говорили на хорошем французском, а теперь... – он сокрушенно развел руками. – Пейте, пейте, джин прекрасно помогает переносить эту дьявольскую жару. Поверьте, я знаю, что говорю.

Неожиданно резво Реми вскочил со стула, подкатился к стойке и быстро вернулся, неся в руках еще две бутылки, большую тарелку с жареной рыбой и горкой овощей.

– Ну вот, а то сидим, как бедные родственники на деревенских поминках. – Он весело засмеялся и налил. Себе и Гранту. – Не стесняйтесь, Сэм, пейте, но, главное, разговаривайте, разговаривайте, черт возьми! Я так соскучился по родному языку. Вы должны понять, как скучают на чужбине. Если не секрет, чем промышляете среди арабов?

– Не секрет, – криво усмехнулся Грант. – Решил отпустить бороду.

– Блестяще! – весело хлопнул в ладоши Реми. – А до этого?

– Долго рассказывать. Всего понемногу... – Сэм начал медленно хмелеть. И пустая болтовня толстяка Реми его уж не раздражала, но казалась просто занятой. – Учился в университете, потом осиротел, пришлось бросить.

– Ай-яй-яй... – изобразив на лице сочувствие, повертел круглой, лысеющей головой Реми. – Как же так?

– Автомобильная катастрофа, – лаконично пояснил Грант. Вдаваться в подробности не хотелось, чтобы не ворошить боль старой утраты. Не то ночью к военному кошмару прибавится еще один: придут во сне мать и отец, живые и здоровые, а после пробуждения окружающая действительность покажется еще более безрадостной. – За университет надо было платить, а платить стало нечем.

– Понимаю, понимаю, – закивал француз и снова наполнил стаканы. – Простите меня за назойливость, но что же загнало вас, белого человека, в эту африканскую дыру? Здесь хотя и северная, но все равно Африка!

– Что загнало? – переспросил Сэм. – Пожалуй, дешевизна и теплый климат.

О том, что как только его подразделение направили на Средиземноморье и Грант, испугавшись, что их могут высадить с десантом в Ливане, при первой же возможности дезертировал, не вернувшись из увольнения в одном из портов, он решил благоразумно умолчать. Кто знает, что на уме у этого французца? Поймет ли он, что жить в ожидании новых военных кошмаров, таких, какие он видел на Гренаде, Сэм больше не мог. Потому и ушел тайком, да, дезертировал, да, украл деньги, на которые некоторое время жил. Ну и что? И не такое случается в жизни. Работал понемногу, чего только не приходилось делать – силой природа не обидела, а

человек, имеющий целые руки и ноги, всегда может заработать, если удастся и немного повезет.

– Это верно, – согласился Реми, и Сэм понял, что последние слова, сам того не заметив, произнес вслух.

«Пора отваливать, – решил Грант, допивая джин. – С ужином, который для меня одновременно и обед, повезло. Повезет ли так же с заработком?»

– На каком факультете учились? – уставился на него француз.

– Геология. Окончил два курса. – Сэм хотел встать, но толстяк удержал его.

– Подождите! Это как раз то, что мне надо. Вы умеете водить грузовик? Сможете разобрать колонки кернов, пробить взрывчаткой шурфы, но и все такое прочее? Сэм, я в этом недостаточно разбираюсь, мое дело обеспечить всем необходимым изыскательскую партию. Как?

– Что «как»? – не понял Грант. – Грузовик водить я могу, все остальное тоже. Но зачем это вам?

– Есть работа! – Реми разлил остатки джина из второй бутылки по стаканам. – Как я понял, вы сейчас здесь ничем существенным не заняты, в Штатах вас никто не ждет и чем заниматься дальше вам все равно, а я предложу возможность заработать неплохие деньги. Идет? Тут практически невозможно найти приличных людей, одни местные, но на них надежды мало: получать деньги любят, а вот работать не очень. Предлагаю вам отправиться в пустыню. Там, говорят, снова нашли признаки нефти. Моя компания, не моя собственная, конечно, – тут же поправился он, – а та, на которую я работаю, должна провести первоначальную геологоразведку, смонтировать буровую установку, пробурить несколько скважин в разных местах и все такое прочее.

– Что за компания?

– «Петроэкстраксион», «Нефтедобыча». Не слышали?

– Нет, – честно ответил Грант. Он раздумывал над неожиданным предложением француза. Мысли в хмельной голове ворочались тяжело, словно старые мельничные жернова. С одной стороны: предложение толстяка Реми почти спасение, но почему он его сделал так быстро? Подозрительно быстро.

– Ищете в чем подвох? – засмеялся француз. – Напрасно. Представьте себе, все много проще. Вы тут бываете постоянно, многие, в том числе и хозяин заведения, вас хорошо знают. В этих кварталах живет не так много европейцев, а нам действительно нужны надежные люди. Не тащить же их сюда из Европы? Только лишние расходы. Ну вот мне о вас и сказали. Меня совершенно не интересует ваше прошлое. Просто мне нужен надежный человек в партию, белый человек. Решайтесь, Грант.

И Сэм решился.

– Хорошо, пусть будет так. Куда я должен прийти за контрактом и когда?

– Деловой разговор! – повеселел Реми. – Завтра же все и оформим, а через пару дней отправитесь в дорогу: нам как раз не хватало одного водителя. Адрес, куда вам надо будет прийти, я сейчас дам. Ну что, обмоем соглашение?

Сэм, в ответ, только махнул рукой: плевать – пустыня так пустыня. Изыскательская партия тоже совсем неплохое занятие, к тому же денежное – по крайней мере, он будет занят делом два-три месяца, заработанные деньги помогут продержаться наплаву еще с полгода, а там станет видно. Если вдруг ему повезет, то, может быть, удастся пристроиться к изыскателям из «Нефтедобычи» на более долгий срок, хотя – не стоит сейчас ничего загадывать...

* * *

Выезжали душным вечером, когда после дневного зноя город, казалось, раскалился добела. Маленькая колонна тяжелых грузовиков осторожно пробралась по узким улочкам предместья и выкатила на широкое, современное шоссе, ведущее на юго-восток.

Сэм сидел за рулем первого грузовика – далеко не нового, без кондиционера в кабине, но мотор гудел ровно, а в крытом брезентом кузове плотно стояли большие бочки с горючим и водой. Рядом с Грантом устроился проводник – нанятый Реми местный парень по имени Махтджуб, с правильными чертами смуглого лица и неожиданными для черноволосого и смуглого араба голубыми глазами.

– Настоящий бербер, отличный знаток пустыни! – знакомя их, отрекомендовал проводника Реми. Сэм критически оглядел поджарую фигуру Махтджуба, казавшегося рядом с рослым Грантом подростком, и молча протянул ему руку, пожав узкую ладонь.

И вот они рядом в кабине. Грант поглядел в боковое зеркальце – сзади по шоссе растянулись еще шесть крытых грузовиков. Второй ведет Отто – малоразговорчивый седоватый блондин лет под шестьдесят, но еще крепкий, как мореный дуб. Следом идет грузовик Пьера – почти до глаз заросшего сивой шерстью верзилы, со шрамом на бандитской физиономии; водитель четвертого – Шардон – южанин. Почему его прозвали южанином, Сэм не знал, а спрашивать у своих новых товарищей ему пока не хотелось. Пятый грузовик доверили Бастьону – ничем не приметному, тихому человеку, – такие обычно бывают «подкаблучниками» у своих крикливых, неопрятных жен, очень любят детей и молчаливо сносят любые насмешки. Шестым грузовиком правил молодой француз по имени Жак – франтоватый, смешливый, задиристый, с татуированными руками завсегдатая портовых притонов. Замыкал колонну фургон с технической группой специалистов компании – пять или шесть молчаливых людей, которых Сэм увидел только перед отъездом. Их машину вел средних лет итальянец, к которому все обращались просто: «Эй, Фиат!»

Месяе Реми с ними не поехал – начальником экспедиции оказался высокий тощий господин, назвавшийся Домеником. Грант заметил, что остальные водители слушались его беспрекословно. Ну что же – господин Доменик так господин Доменик! Плевать! Задаток выплатили без обмана – вот они, денежки, лежат в нагрудном кармане рубахи, – а там все будет видно...

– Ты правда бербер? – протягивая Махтджубу сигарету, недоверчиво поинтересовался Сэм. – Отчего у тебя глаза голубые? Французы крови подмешали?

– Нет, – усмехнулся проводник. – Среди берберов голубые глаза далеко не редкость. Мы называем себя имазиген или имаджиген, что означает «свободный народ», а вообще у берберов много разных племен: шлех, рифы... Мы жили здесь еще до арабов.

– Вот как? – удивился Грант. – Разве вы сами не арабы?

– Несовсем. Арабы пришли сюда, в Северную Африку, в седьмом веке. Знаешь про Отелло и Дездемону? Так вот Отелло был бербером.

– Почему же его тогда во всех театрах изображают чернокожим?

– Распространенная ошибка, – тонко улыбнулся Махтджуб. – Греки называли берберов «маурос», черными, отсюда и пошло. Ты, похоже, тоже не чистый француз, судя по произношению.

– Из Штатов, – Сэм протянул тяжелую руку и дружески похлопал проводника по плечу. – Надеюсь, мы будем добрыми приятелями? Дома я учился в университете, но пришлось бросить, не стало денег. Вот так. А когда не хватает денег, человека часто мотает по свету.

– Я тоже студент, – сообщил о себе проводник. – Подрабатываю. Ты впервые идешь в пустыню?

– Да, – Сэм приоткрыл стекло и выбросил окурочок. Снова поднял стекло: лучше духота в кабине, чем мелкая, моментально забивающаяся в рот и нос африканская пыль. – Пустыня она и есть пустыня. Тишина и пустота, кругом песок, жара, миражи на горизонте, жажда, верблюды...

– Ты мало знаешь, – усмехнулся Махтджуб. – Мы, берберы, относимся к пустыне как к живому существу, которое днем мучается от палящего солнца, а ночью празднует свое освобождение от пекла. И так тысячи лет, день за днем. Увидишь, насколько прекрасна пустыня при луне.

Сэм только иронически хмыкнул в ответ.

– Это трудно понять поначалу, но мы будем ехать ночами, а днем спать: так лучше и для машин, и для людей. Если постараться быть внимательным, то пустыня потихоньку начнет приоткрывать перед тобой свои тайны, – пояснил проводник.

– Там живет кто-нибудь? – недоверчиво покосился на него Грант.

– Да. Кочевые племена. Есть змеи, волки, саблерогие антилопы-ориксы, изредка попадаются деревья у колодцев.

– Тянутся, как похоронная процессия, – недовольно буркнул Сэм, поглядев в боковое зеркальце и резко прибавил скорость. – Что за люди едут в фургоне, не знаешь? Какие-то специалисты? И что за человек наш начальник, Доменик?

Бербер в ответ только пожал плечами и начал мурлыкать себе под нос протяжную старинную песню. Неожиданно он замолк и повернулся к Гранту:

– Самое главное в пустыне – никогда не терять присутствия духа. Чтобы с тобой ни случилось, надо всегда верить, что обязательно встретишь людей и найдешь воду. И не бояться миражей.

– А что может случиться? – удивленно поднял брови Сэм. У нас в кузове полно горючего и воды. И мы все вместе. Целый караван.

– Да, но мы все недостаточно хорошо знаем друг друга. У нас раньше так никогда не ходили в пустыню. Караванщики подбирались, как экипаж на корабле, а арабы были и прекрасными мореходами.

– Как же, знаю, читал, Синдбад-мореход, – засмеялся Сэм. – Скоро нам сворачивать?

– Еще полночи пути, – ответил Махтджуб и снова негромко затянул заунывный мотив...

* * *

На дневку расположились с восходом солнца. Доменик передал по портативным рациям, которыми был снабжен каждый водитель, приказ остановиться между двумя холмами. Грант послушно приткнул свой грузовик к чахлому одинокому дереву, похожему на скрюченного корчами уродца, скинул осточертевшие сандалии и, открыв дверцу, с удовольствием ступил босыми ногами на остывший за ночь песок. Махтджуб закурил, усевшись на подножку грузовика.

Подъехали остальные, Отто вылез из кабины тяжело, вытирая большим клетчатым платком потное широкое лицо и красную шею. Не говоря ни слова, буквально рухнул на песок, даже не постелив одеяла. Подошел Пьер с бутылкой спиртного в руках, Бастьен принес походный примус. Поставив свои грузовики, притащились усталые Шардон, Жак и Фиат. Пьер сунул каждому в руки по маленькому пластмассовому стаканчику и разлил виски.

– Лучшее средство от жары, – повторил он слова Реми.

– Не увлекайтесь, – предупредил как из-под земли выросший Доменик. – Поесть и спать. Впереди еще долгий путь и надо быть свежими.

– Здесь нет дорожной жандармерии, месье, – шутовски поклонился ему Пьер, но осекся под ледяным взглядом Доменика.

Сэм отметил про себя, что «инженеры», как он окрестил ехавших в фургоне, к компании водителей, похоже, не собираются присоединяться. Интересно, с кем будет завтракать Доменик – с «инженерами», или останется здесь?

Доменик не остался. Широко шагая длинными худыми ногами, он направился к фургону. «Ну и черт с ним», – лениво подумал Грант, ища глазами Махтджуба. Тот, сидя на подножке грузовика, разворачивал сверток с бутербродами. На призывный жест Сэма он только отрицательно качнул головой и грустно улыбнулся.

Бастьен быстро разжег примус; зашипело на сковороде мясо, вскипела вода и заварили кофе. Над пустынными, залитыми призрачным светом раннего утра холмами, поплыл дразнящий аромат мокко. Заговорщически подмигнув, Пьер притащил еще одну бутылку. Выпили. Ели молча, жадно, как едят уставшие от тяжелой физической работы здоровые мужчины. Допив кофе, Сэм закурил и, обращаясь ко всем сразу, сказал:

– Наш проводник утверждает, что пустыня полна тайн и загадок. Ночью он рассказывал мне про старые города, еще сотни лет назад скрытые песком.

Отто сходил к машине и принес колышки для палатки. Пьер, пустив в горлышко пустой бутылки из-под виски клуб сигаретного дыма, заметил:

– Эти арабские мартышки все время тщатся что-то придумать, как будто от этого они станут умнее.

– Зря ты так... – длинно сплюнул Фиат. – Я тоже не раз слышал о городах, засыпанных песком. Наверное, если точно знать где они, можно разбогатеть, найдя древние клады. Куча денег! Золото, да еще древнее, в Европе или Штатах просто оторвут с руками.

Бастьен молча пил кофе мелкими глотками, полуприкрыв темные глаза: разговор, казалось, его несколько не интересовал. Шардон, лежа на животе, покуривал трубку.

– А вот мы сейчас все узнаем... – Пьер отбросил пустую бутылку и, встав, крикнул. – Иди сюда! Быстро!

Проводник перестал жевать и повернул голову в его сторону.

– Вы мне?

– Тебе, тебе! Давай сюда, дело есть.

Махтджуб подошел.

– Рассказывай про засыпанные города, – закуривая новую сигарету, приказал Пьер.

– Зачем это вам? – непонимающе уставился на него бербер.

– Ты еще будешь пререкаться, скотина! – Пьер неожиданно вскочил на ноги и, быстро шагнув к проводнику, сильно ударил его по зубам. Махтджуб отлетел в сторону и, разбросав руки, затих. Сэм тоже встал.

– Что он тебе сделал? – подойдя к Пьеру, спросил он.

Остальные настороженно наблюдали за происходящим.

– Защищаешь мартышку? – громила недобро прищурился. – Спелись за ночь?

– Что он тебе сделал? – повторил Сэм, не давая Пьеру подойти к пришедшему в себя Махтджубу. Краем глаза он видел, что бербер уже сел и начал шарить рукой у пояса.

– Пошел! – Пьер замахнулся. Грант заученным приемом поймал его руку и перебросил тушу Пьера через спину. Когда тот рухнул на песок, Сэм врезал ему пяткой по ребрам. Не ожидавший такого оборота событий Пьер скорчился от боли, но, видимо пересилив себя, поднялся и, пригнувшись, пошел на Сэма, раскинув длинные руки, готовясь поймать, смять, задушить...

– Перестаньте! – лениво прикрикнул на них Отто, но Пьер словно не слышал.

Отпрыгнув в сторону и ловко увернувшись от лап противника, Грант со всей силы ударил его ногой по почкам. Пьер снова растянулся на песке. Фиат засмеялся, показав желтые, прокуренные зубы. Шардон вяло хлопнул в ладоши.

– Bravo! Кто кого! – загоготал Жак. – Ставлю на янки! Отто, принимай ставки.

– Прекратить! – между американцем и пытавшимся подняться Пьером, появился Доменик. – Нашли забаву.

Шрам на лбу Пьера побагровел. Неожиданно отпихнув в сторону Доменика, он шустро кинулся к своему грузовику, распахнул дверцу и сунулся в кабину. Доменик быстро догнал его и с силой ударил дверцей кабины по спине. Пьер охнул и сполз вниз, мешком осев около колес.

– Я привык, чтобы меня слушались с первого раза! – стоя над ним, сквозь зубы зло процедил Доменик. – Если ты еще раз посмеешь затеять драку, я просто брошу тебя здесь одного, без глотка воды и запаса пищи. Понял? Это относится и ко всем остальным. За драку вычту из жалованья: по три процента с участников и по одному со зрителей, за то, что не прекратили, – и он снова ушел к фургону, мерно переставляя по-журавлиному длинные ноги.

Пьер, бросая злые взгляды на Сэма, залез в кабину своего грузовика, кряхтя улегся ничком на сиденье. Отто растянул палатку. Утомленные водители, лениво волоча по песку одеяла, потащились под ее тень. Грант взял фляжку с водой, подошел к проводнику, помог ему вымыть разбитое лицо. Потом они курили, сидя на теплом песке, прислонившись спинами к ребристым скатам машины.

– Почему ты вступился за меня? – помолчав, опросил Махтджуб.

– С некоторых пор я ненавижу, когда сильный нападает на слабого, – Сэм выпустил струйку синеватого сигаретного дыма и лукаво подмигнул берберу. – Что ты там нашаривал на поясе? Не скрывай, я же видел.

– Я его зарежу, – просто, как о каком-то обыденном деле, сообщил Махтджуб. – Он из ОАС, фашист.

– Перестань молоть чепуху, – отмахнулся Грант.

– Он еще до выезда пригрозил мне расправой, если я осмелюсь есть и спать рядом с белыми. Оасовцы всегда так делали. Мужчины моего племени никогда не прощают обид, их смывают кровью. – Махтджуб достал старинный кинжал в кожаных ножнах.

– Дай сюда! – американец перехватил его руку и, вывернув ее, ловко отобрал оружие. Вынул клинок из ножен. Сталь сверкнула на солнце синеватым мауром, рукоять удивительно удобно ложилась в ладонь. – Не хватало еще убивать друг друга... – пряча оружие в карман, назидательно сказал Грант. – И так слишком много убивают. Я видел, как это делали наши парни на Гренаде, потому не захотел больше служить в морской пехоте: противно жить среди убийц.

– Отдай... – тихо попросил Махтджуб.

– Нет! – твердо отказал Грант. – Есть и спать ты будешь вместе со всеми... И выбрось свою древнюю дурь из головы. Вернемся, тогда отдам. Не бойся, Пьер тебя больше не тронет.

– Ты не знаешь оасовцев, – горько сказал Бербер.

– Зато я знаю себя... – ответил Сэм.

* * *

...Они шли по обочине узенького шоссе с крутыми поворотами. С обеих сторон дороги тянулись невысокие холмы, покрытые вечнозелеными лесами, садами, плантациями мускатного ореха. То и дело приходилось раздвигать лопушистые резные листья-ветви диких бананов. Лица у морских пехотинцев были вымазаны зеленой краской – для маскировки. Оружие держали наготове. Сержант приказал: «Если кого увидишь – убей его!»

Вдали подпирали голубое небо конусы вулканов. Жужжали мухи. Тихо, жарко. Дошатый сарай, на который они неожиданно наткнулись, показался сначала чем-то нереальным, так не вязался он с окружающей картиной. Когда начали цепочкой окружать строение, из него вдруг выскочил худенький темнокожий мальчишка. Боб быстро полоснул из автомата. Парень

страшно и тонко закричал, ничком ткнувшись в изумрудную траву, густо пятная ее алой кровью.

– Убей, убей! – дико орал сержант...

Грант застонал и открыл глаза. Кроваво-красный диск солнца наполовину скрылся за горизонтом, в воздухе все еще дрожало знойное марево, но тени от грузовиков и дерева-уродца, под которым стояла палатка, уже вытянулись больше человеческого роста. Шея во сне затекла, и Сэм с трудом повернул голову – Махтджуба рядом не видно. Грант хлопнул ладонью по карману – кинжал был на месте.

Проклятье! Опять тот же опротивевший кошмар! Даже в безлюдной пустыне нет от него опасения. Неужели придется так мучиться всю жизнь, последними словами кляня себя, свою горькую судьбу, собственную чувствительность и совесть? Поневоле согласишься в досужую болтовню священников о страшном грехе и его искуплении, но где оно, искупление, и в чем его грех? Он выполнял приказ, как все, а потом понял, что больше не сможет выполнять такие приказы, и дезертировал.

Отто уже вылез из палатки, разжег примус. Появился Шардон с неизменной трубкой в зубах, следом за ним пришел меланхоличный Бастьен. Пьера нигде не было видно, – наверное, строил в уединении планы мести. Этому верзила со шрамом на лбу Сэм совершенно не боялся – он уже понял, что Пьер нахален, но драться как следует не умеет. Если вздумает снова напасть, то опять получит свое.

Махтджуб нашелся под грузовиком. Грант почти силком заставил его пойти вместе с ним к компании водителей. Никто не возразил ни слова. Подошел помятый Пьер, молча взял свою долю еды и отошел в сторону, глухо бормоча под нос ругательства. Шардон, выпив кофе, не спеша раскурил трубку и, с плохо скрываемой тревогой, спросил:

– Тут есть скорпионы? А то мы так беспечно расположились, словно у себя дома...

– Нет. Только змеи, – ответил проводник. – Но если их не трогать, все будет в порядке.

– Хорошенькое дельце, – сплюнул Фиат. – Змеи... Ядовитые?

– Есть и ядовитые. Некоторые зарываются на день в песок, поэтому лучше не ходить босиком.

Сэм непроизвольно взглянул на свои босые ноги и побежал обуваться...

* * *

Темнота опустилась на пустыню как-то сразу. Сэм включил фары, и два луча света заплясали по дороге. Сидевший рядом Махтджуб отрывисто командовал:

– Прямо... Теперь правее... Налево... Прямо...

Выплыла из-за барханов большая, неправдоподобно яркая луна, стало светлее, резче обозначились тени от холмов, казавшихся чернильно-черными, словно провалы, ведущие в неведомую глубину земных недр. Вершины пологих холмов выглядели посеребренными светом луны, словно залитые загадочным призрачно мерцающим туманом, в котором непременно должны водиться многочисленные злые духи.

– Как ты умудряешься находить дорогу в пустыне? – спросил у проводника Грант. – Здесь все так однообразно: холмы, песок, небо...

– Это только кажется, – улыбнулся Махтджуб. – Кажется тем, кто совсем не знает мира пустыни. Сейчас спала дневная жара и на охоту вышли волки, вылезли из песка змеи и ящерицы, скачут к водопою антилопы. Просто мы не видим всего этого, потому что их пугают свет фар и рокот моторов.

– А люди?

– Туареги обычно не живут в такой глуши. Правда, в этих краях есть несколько родов и племен, но я точно не знаю, где они сейчас кочуют. У них своя жизнь – козы, верблюды, палатки из темной шерсти, женщины, дети...

– Дети? – недоверчиво хмыкнул Сэм. – Среди безбрежного песка и палящего зноя?

– У нас говорят, что молодость и вода – великая милость Аллаха. Туареги знают, где находятся колодцы, а человек должен иметь детей. Кочевые племена свято хранят вековую мудрость пустыни, которую уже начали забывать в наших городах.

– Слушай, насчет ОАС ты серьезно сказал или так, просто твои предположения, – решил переменить тему Грант. При упоминании о детях у него перед глазами снова встали видения кошмарного сна: дощатый сарайчик, темнокожий подросток и алые пятна крови на изумрудно-зеленой траве...

– Зачем тебе это? – уклончиво ответил проводник. – А кинжал ты мне отдай.

– Отдам, когда вернусь, – упрямо сжал губы американец.

Махтджуб хотел еще что-то сказать, но в этот момент в свете фар призрачными тенями мелькнули саблерогие ориксы – пустынные антилопы, распластанные в изящном легком прыжке; мелькнули как мираж, как приоткрытая на мгновение сокровенная тайна пустыни. И тут же коротко простучала автоматная очередь.

Сэм резко вдавил ногой педаль тормоза. Ожила портативная рация, лежавшая рядом на сиденье. Голос Доменика громко приказал:

– Всем остановиться! Из машин не выходить! Фары поставить на ближний свет!

Грант послушно переключил свет фар и напряженно вгляделся в черноту ночи, словно пытаясь разглядеть того, кто выпустил автоматную очередь по ориксам.

– У туарегов есть автоматы? – нервно облизнув языком пересохшие губы, поинтересовался он у проводника.

Побледневший Махтджуб отрицательно покачал темноволосой головой:

– Я об этом никогда не слышал. Да и зачем им? Ты уверен, что стреляли именно из автомата?

Сэм только криво усмехнулся в ответ: неужели он, бывший морской пехотинец, может обознаться, – сухой треск автоматной стрельбы ему ни с чем не перепутать до конца своих дней.

Скрипнул песок под подошвами – кто-то шел в темноте к их грузовику. Махтджуб напрягся. Грант опустил руку вниз, нащупывая в кармане рукоять кинжала – смешно, конечно, пытаться защититься от автомата коротким куском острого железа, но так уж устроен человек...

Послышался уверенный голос Доменика. Через секунду он приоткрыл дверцу кабины их грузовика.

– У вас все в порядке? – начальник экспедиции испытующе поглядел на обоих.

– Нормально, – облегченно вздохнув, ответил Грант. – Что случилось? Кто стрелял?

– Неизвестно, – тонкие губы Доменика поджались. – Через минуту отправляемся...

Ведя машину, Сэм раздумывал о выстрелах в ночи. Проводник утверждает, что поблизости нет стоянок кочевников, да и действительно, откуда у тех могут взяться автоматы, зачем они им? Винтовка – понятное дело, без нее в кочевой жизни не обойтись, но автомат... И власти могли не допустить такого, принять меры к изъятию автоматического оружия. Но если не кочевники, а это точно не они, то стрелять могли только из какой-нибудь машины их небольшого каравана. Из какой? Да так ли важно из какой – важно другое: зачем изыскательской партии возить с собой автоматы? Странно и непонятно.

Холодок неясных, мрачных предчувствий заполз в душу Сэма, но он решительно постарался отогнать их...

* * *

На дневку, как и в первый раз, остановились с восходом солнца. Машины выстроились в ряд перед местом временного лагеря. Сэм увидел несколько деревьев, – засохших, с голыми, безлиственными ветвями, – и чахлую, жесткую траву под ними.

Бастьен разжег примус, пришел Шардон с неизменной трубкой в зубах, Жак притащил тушу убитой антилопы, подвесил ее к дереву и начал сноровисто свежевать, ловко орудуя ножом.

– Пока шеф обходил колонну, я смотался за добычей, – ничуть не смущаясь, пояснил он на вопросительный взгляд Гранта. – Не пропадать же добру?

– А кто стрелял? – не особо надеясь на правдивый ответ, на всякий случай спросил у него Сэм.

– Не знаю... – пожал плечами Жак. – Не все ли тебе равно? Пьер прав: здесь нет жандармерии.

Грант поглядел на кроваво-сизое месиво внутренностей выпотрошенной антилопы, небрежно брошенных Жаком под деревом, и отошел.

Фиат наломал сучьев, намереваясь развести настоящий большой костер, Бастьен взялся ему помогать. Пьер, покуривавший сидя на одеяле, лениво заметил:

– Требуху надо выбросить подальше, а то завоняет и мухи налетят.

Никто ему не ответил, и он, посидев еще немного, принес от своего грузовика кусок старого брезента, взял сучок и сгреб им на него требуху. Держа свернутый брезент как можно дальше от себя и брезгливо скривившись, он пошел в сторону от лагеря.

– Подальше отнеси... – крикнул ему вслед Жак.

Пьер сердито забурчал в ответ, но послушался – видимо, перспектива отдохнуть в обществе роя мух ему совсем не нравилась.

Шардон начал ногой заравнивать песок на том месте, где лежала требуха, хозяйственный Бастьен отобрал несколько лучших кусков мяса и, сложив их в пластиковую миску, понес к фургону «инженеров».

Жуткий, леденящий кровь крик, раздавшийся с той стороны, куда недавно ушел Пьер, заставил всех вздрогнуть и буквально застыть на месте. Первым опомнился Шардон, – не вынимая изо рта трубки, он неуклюже затрусил к вершине холма, за которым скрылся волосатый верзила со шрамом. За Шардоном последовали остальные.

Пьер катался по песку, прижав в животу левую руку. Когда к нему подбежали, он поднял на столпившихся вокруг шоферов белые от боли глаза:

– Меня ужалила змея?

– Э, парень, какое это теперь имеет значение... – отмахнулся Фиат.

– Чтобы помочь, надо знать, какая змея укусила, – объяснил бербер.

– Там, – преодолевая боль, указал Пьер.

Подняв с песка валявшийся рядом со свертком брезента сук, Махтджуб бросился за пригорок. Сэм поспешил за ним.

– Как это могло случиться? – спросил он на беду.

– Наверное, он наступил на нее или решил убить, не зная, как это нужно правильно сделать. Плохо, что она укусила его в руку... – отрывисто говорил проводник. – Слишком близко к сердцу.

Сэм внимательно смотрел себе под ноги – перспектива оказаться в положении Пьера его никак не прельщала.

– Вон она! – крикнул Махтджуб.

Грант и сам уже успел заметить длинное, извивающееся тело, быстро скользившее по плотному песку. Видимо поняв, что ей не уйти от преследователей, змея свернулась в кольцо и зловеще зашипела. От этого звука у Сэма пошли по коже мурашки, возникло гадливое чувство отвращения и страха.

Махтджуб ударил змею палкой по голове. Удар отбросил ее, она вновь попыталась поползти, но двигалась уже медленнее. Проводник в два прыжка нагнал ее и добил.

– Отрежь ей голову, – велел он Сэму.

– Зачем? – не понял тот.

– Обычай пустыни. Если этого не сделать, то гадины будут преследовать тебя. Они сползутся на место гибели этой твари и потом начнут искать ее убийцу. А мы зароем голову, и они ничего не узнают. Ну!

Преодолевая отвращение, американец наступил ногой на скользкое, словно упругий шланг, тело и, вынув кинжал Махтджуба, одним взмахом отсек змее голову.

– Вот и хорошо... – проводник сноровисто вырыл ямку в песке, и скоро ничего не напоминало о том, что здесь произошло. Обезглавленное тело змеи он поднял на палку и пошел обратно.

– Что это за тварь? – стараясь не смотреть на ношу Махтджуба, поинтересовался шагавший рядом с ним Сэм.

– Плохая... Очень ядовитая. Боюсь, оасовцу уже ничего не поможет. Туареги в таких случаях сразу отрезают себе руку, если хотят спасти жизнь...

Проводник оказался прав. Когда они вернулись, все было кончено. Пьер, с вымазанным темной кровью лицом, лежал на песке – странно вытянувшийся, он казался еще больше ростом, а шрам на его лбу приобрел какой-то лиловый оттенок. Доменик, окруженный водителями, молча стоял над телом, глядя на приближающихся Сэма и Махтджуба.

– У него пошла горлом кровь, – негромко пояснил Фиат Гранту, – теперь некому вести один грузовик...

– Ты, – Доменик ткнул пальцем в грудь Махтджуба, – умеешь водить машину?

– Да, – проводник далеко в сторону отбросил палку с телом змеи.

– Тогда сядешь за руль вместо Пьера. Будешь получать его деньги. Тихо! – Доменик поднял руку, призывая замолкнуть недовольно зашумевших водителей: речь зашла о деньгах, и все тут же забыли о погибшем. – Никто из вас не поведет два грузовика разом, а парень может быть одновременно проводником и шофером. Поедешь первым, на машине Пьера, вторым Грант, потом Отто, ну а дальше по порядку... Да, вот еще что, у нас нет возможности таскать с собой тело по проклятой пустыне. Выройте ему здесь в песке яму поглубже и прочтите короткую молитву. Все.

– Надо бы хоть какой ящик, – поскребывая ногтями давно небритый подбородок, протянул набожный, как все итальянцы, Фиат.

– Используйте старый брезент. Еще вопросы? Нет? Исполняйте! – Доменик по-военному развернулся и пошел к фургону...

* * *

Ночь Сэм провел в кабине грузовика в одиночестве. Теперь впереди него красными светляками горели габаритные огни грузовика Пьера, за рулем которого сидел Махтджуб. Странная и страшная смерть бывшего оасовца произвела на всех гнетущее впечатление. Когда его тело, небрежно завернутое в брезент, опускали в наспех вырытую под начинающим сильно припекать солнцем яму, набожно перекрестившийся Фиат тихо прошептал:

– Первый из нас...

Вспыльчивый Жак хотел было съездить итальянцу по шее, чтобы не каркал, но Отто не дал разгореться ссоре – то ли действительно не желал возникновения раздоров, то ли хорошо помнил об угрозе Доменика вычитать за драки из жалованья, а может быть, не желал присутствовать на еще одних похоронах?

Грант признался себе, что ехать вместе с Махтджубом ему было веселее – проводник или напевал, или рассказывал старинные легенды и предания, не давая Сэму задремать за рулем. Оказывается, за две ночи Грант уже успел привязаться к этому живому, непосредственному и, в то же время, немного странному парню. Поболтать бы с ним по рации, но Доменик категорически запретил не относящиеся к делу переговоры. И вообще, он очень напоминал Сэму сержанта – та же строевая выправка, приказной тон, те же жесткие требования к дисциплине. Может быть, в пустыне действительно иначе нельзя?

А что за люди ведут другие грузовики? Кто такой итальянец Фиат, откуда он родом, каким ветрам занесло его сюда? Нет ответа...

Или, к примеру, взять Отто – немец и не скрывает этого, да и что толку скрывать: его французский сразу выдает уроженца Рейна. В таком возрасте, как у него, надо не шоферить по геологическим экспедициям в жарких пустынях, а покуривать фарфоровую трубочку в собственном ухоженном тенистом садике. Хотя, чего только не сделаешь ради денег, а вокруг и так полно безработных. Кто такие Жак, Бастьен или Шардон? Почему едущие в фургоне «инженеры» никогда не общаются с водителями? Спросить об этом Доменика? Но получишь ли ответ? А если получишь, то какой?

Сэм не без оснований предполагал, что ночью из автомата по антилопам стрелял Жак. Значит, Доменик об этом знает, раз он позволил ему забрать добычу, и знает об автомате. Не он ли сам и дал Жаку оружие? Но зачем?

Просто голова идет кругом от всего этого...

* * *

На дневке все шло по уже сложившемуся порядку – Шардон с неизменной трубкой в зубах, Бастьен со сковородой, Отто, натягивающий палатку...

После завтрака Махтджуб знаком отозвал Сэма в сторону. Они зашли за грузовик, сели, прислонившись спиной к горячим скалам, закурили.

– Ты знаешь, куда мы едем? – после долгого молчания спросил проводник.

– В пустыню, – устало усмехнулся Грант. Ночные раздумья не давали покоя и не хотелось ложиться спать, чтобы во сне вновь не окунуться в надоедливый кошмар.

– В ливийскую пустыню, – тихо уточнил Махтджуб.

– Какая разница... – вяло отозвался разморенный жарой Сэм.

– Ты что, на самом деле не видишь никакой разницы? – повернулся к нему бербер.

– Здесь, по-моему, везде пустыня, – безразлично зевнул американец.

– Сэм, Доменик внезапно изменил маршрут, и теперь мы движемся к территории соседнего государства.

– Что? – американец даже привстал. – Ты не ошибся? Зачем нам через границу?

– До границы еще далеко, – успокоил его Махтджуб. – Но мы уже вторую ночь движемся в ее сторону. Сегодня я сунулся в кузов своего грузовика, просто так, от любопытства, хотел только посмотреть, где лежит запаска. В кузове оказались какие-то странные железяки, очень похожие на рельсы. Я думал, мы будем монтировать буровую, а не строить железную дорогу, но эти штуки никак не похожи на буровое оборудование. Мне все не нравится, Сэм: и ночная стрельба из автоматов по ориксам, и погибший Пьер-оасовец, и непонятные железки в кузове, и то, что с нами совершенно не общаются «инженеры» из фургона. Ты обратил внимание, они по очереди, даже в самое пекло, торчат у машины, как часовые? Когда я вечером подошел к

грузовику Пьера, Бастьен вытащил из его кабины сверток в тряпках. Похоже, у Пьера тоже был автомат и он побежал именно за ним, когда ты его отделал на первом привале. Почему у тебя нет автомата, Сэм? Или ты его от меня спрятал?

– Глупости, откуда у меня автомат? – ошарашенно вытаращил глаза американец. – А насчет Пьера ты не того?..

– Вот, нашел в кабине его грузовика, – Махтджуб раскрыл ладонь. На ней лежал автоматный патрон, новенький, золотисто-желтый.

Грант взял патрон и внимательно осмотрел. Гильза протерта масляной тряпкой, круглое, красноватое донышко пистона, тупая головка пули. Очень мирный предмет, если не знать его назначения.

Сэм опустил патрон в нагрудный карман своей рубахи, потом лег на живот и внимательно оглядел лагерь. После бессонной ночи, разморенные жарой и жирной пищей, водители отдыхали. Доменика тоже не видно – наверное, как всегда, сидит в фургоне, с «инженерами».

– Пойдем, взглянем на твои железки, – вставая, предложил Грант. – Только осторожно.

– Ты думаешь? – начал проводник.

– Потом будем думать! – оборвал его Сэм. – Нам ни к чему лишние неприятности... – и он похлопал ладонью по карману, в котором лежал автоматный патрон.

Брезент на кузове грузовика покойного Пьера был туго затянут тросом, пропущенным через кольца, прикрепленные к деревянной обшивке бортов. Махтджуб торопливо распустил узел троса, приподнял брезент, и Сэм быстро скользнул под раскаленный полог в нутро кузова.

Под брезентом оказалось сумрачно и душно, тело сразу покрыла липкая испарина, среди множества ящиков груза трудно повернуться, но то, о чем говорил бербер, Грант увидел сразу. Присев на корточки, он наклонился над длинными, действительно похожими на железнодорожные рельсы, со множеством отверстий в боковинах, брусками, осторожно провел по ним рукой, ощутив тепло прогретого металла. Слишком знакомы ему такие «рельсы», чтобы спутать их с чем-то другим или принять за детали буровой установки. И еще Сэм знал, что рядом с «рельсами» должно быть другое приспособление, пусть даже сейчас и разобранные на части, но обязательно должно быть. Есть ли оно здесь? Где, в этих ящиках? Но они заколочены. Отодрать тонкие доски и прессованный картон, посмотреть, что в них?

Стараясь не шуметь, Грант вынул из кармана кинжал и подsunул его лезвие под крышку одного из ящиков. Слава старому кузнецу, выковавшему булатный клинок! Кинжал словно спичку срезал державший крышку ящика гвоздь, потом второй, третий...

Сэм попытался заглянуть под приподнятую крышку – темно, ничего не видно, кроме бесформенных свертков навощенной, промасленной бумаги. Тогда он запустил в ящик руку по локоть и разорвал заводскую обертку. Так и есть – его пальцы нащупали ребристую винтовую штангу, похожую на стойку домкрата. Остальные ящики он проверять не стал. Приведя все в прежний вид, – ему очень не хотелось, чтобы Доменик, или кто-то из его компании, вздумав проверить груз в кузове грузовика, случайно обнаружил, что его осматривали втайне от них, – Грант осторожно вылез наружу.

Спрыгнув на песок, Сэм помог берберу затянуть удерживающий брезент трос. Сделав знак Махтджубу следовать за собой, американец подошел к своему грузовику и присел в тени. Махтджуб опустился рядом с ним на корточки, терпеливо ожидая, что скажет его приятель.

– Дело странное и, наверное, весьма нехорошее, – закурив, медленно оказал Сэм. – Там лежат разобранные направляющие станки для военных ракет...

* * *

Несмотря на усталость, Грант весь день провалялся на одеяле без сна – вертелся, потел, ходил раза два умываться, рискуя навлечь на себя недовольство остальной шоферской братии

за лишний расход воды, потом опять старался хоть немного подремать, понимая, что впереди еще долгая ночь за рулем, но из головы никак не шли проклятые направляющие, обнаруженные Махтджемом в кузове грузовика покойного Пьера.

Зачем изыскательской партии нефтедобывающей компании «Петроэкстракцион» везти с собой в пустыню установку для пуска ракет? Сэм не мог ошибиться – это была именно такая установка, только в разобранном виде, но что стоит собрать ее, если есть сведущие люди? В ящиках упоры для пусковых станков, он сам ощупал пальцами штангу одного из них. Нет, ошибки здесь быть не может, ему самому приходилось учиться собирать такие пусковые установки, но зачем, зачем они изыскательской партии, с которой он так опрометчиво отправился в пустыню. Опрометчиво? Нет, скорее от безвыходности, от безденежья...

Что толку сейчас заниматься выяснением у самого себя причин его пребывания здесь? В том, что они рядом с территорией сопредельного государства, у Сэма тоже не было причин сомневаться, – Махтджем не ошибается: Доменик каждый вечер показывает ему точку на карте, куда надо к утру вывести караван грузовиков.

Кому они везут станки для запуска военных ракет? Кому и для чего? Эти направляющие не для метеорологических ракет, а именно для боевых, а если здесь и сами ракеты?! Но где, где?

По кому стрелять ракетами в глухой пустыне, где только ползают змеи, пробегают волки да разбросаны редкие кочевья туарегов, как это утверждает Махтджем? Проводить секретные испытания? Но для таких целей существуют закрытые полигоны, на испытаниях присутствуют военные, представители фирмы-изготовителя, всякие администраторы, наблюдатели...

Загадочная история, заставляющая о многом задуматься, особенно после ночной стрельбы из автомата по ориксам, в роли которых Сэму выступать никак не хотелось.

К вечеру, когда жара немного спала, Грант нехотя подошел к костру – итальянец Фиат просто обожал огонь и, как только видел деревья, тут же ломал сучья, разводил костер, садился у огня, задумчиво вороша палкой горячие угли. Вот и сейчас он сидел около костра, не обращая внимания на сердитое ворчание Отто:

– И так пекло, как в аду, а ты еще больше хочешь нас поджарить?

– Выпей с нами, – заметив подошедшего Сэма, протянул ему бутылку с виски Жак. – Помянем беднягу Пьера, пусть песок ему будет пухом.

Грант глотнул прямо из горлышка, вернул бутылку Жаку и присел рядом с Фиатом, Отто, видимо продолжая разговор, прерванный появлением Сэма, оказал:

– Нас тогда предали генералы, оказавшиеся полным дерьмом. Я жалею, что не служил в гестапо, сейчас на земле осталось бы меньше коммунистов.

– А где ты служил? – спросил Шардон.

– В зенитчиках. Пытался сбить ихние летающие крепости, – Отто кивнул на американца, – каждую ночь осыпавшие наши города бомбами. – Но лучше бы я был в гестапо...

– В Иностранном легионе тоже служилось неплохо, – раскуривая трубку от горячей ветви, заметил Шардон. – Веселые подбиралась ребята, были и ваши, немцы. Лютые парни и компанейские, а уж по части выпить, особенно за чужой счет...

– Послушаешь, зависть берет, – засмеялся Жак и сделал большой глоток из бутылки с виски. – Все чего-то повидали, что-то успели в жизни. Эй, янки, ты воевал во Вьетнаме? Как тамошние девочки? Говорят, у каждого из вас их было сколько хочешь. Это правда, или врут, как всегда?

– Я был на Гренаде, – мрачно ответил Сэм.

– Там негритоски... – презрительно скривился Жак. – Выпьешь еще?

– Нет, скоро отправляться, разомнусь немного, – Грант встал и направился к своей машине.

– Не задерживайся, а то выпивка кончится, – крикнул ему вслед Жак.

– Зато нам больше достанется, – рассудительно заметил Фиат.

* * *

Отойдя в сторону от костра, Сэм огляделся – где Махтджуб? Бербер ждал его около своего грузовика.

– Что ты решил? – бросился он к Сэму.

– Пока ничего, – честно ответил Грант. – Я никак не могу понять, зачем им нужны эти штуки? Кстати, у нас оказались весьма веселые попутчики: Отто служил еще в гитлеровской армии, а Шардон в Иностранном легионе.

– Вот видишь... – помрачнел Махтджуб. Нам надо немедленно бежать от них. – Он схватил Сэма за руку. – Сядем на твой грузовик и умчимся в пустыню. Я знаю здесь все дороги, им нас ни за что не найти.

– Не успеем, нас догонят. Про это забыл? – американец достал из кармана рубашки автоматный патрон и подбросил его на ладони. – Далеко не уедем.

– Что же делать? – проводник опустил на песок перед радиатором грузовика.

– Ты бывал в фургоне, Доменик приглашал тебя туда как проводника? – садясь рядом с ним, спросил Сэм.

– Нет, ни разу, – покачал головой бербер. – Он всегда приходит ко мне сам.

– Тогда нам надо нанести им визит, – усмехнулся Грант. – Я пойду впереди, а ты следом за мной. Если увидишь что-нибудь подозрительное, потихоньку свистни.

– Что ты задумал? – Махтджуб встал.

– Ничего, – пожал широкими плечами Сэм. – Просто хочу посмотреть, что находится в этом фургоне. Что и кто. И только потом решать, как быть дальше. Ну, идем?

Фургон стоял последним в ряду грузовиков. Быстро темнело, и Грант, прячась за машинами, никем не замеченный, подошел к нему вплотную. На одном из окон фургона занавески были отдернуты, из открытой двери падал на песок прямоугольник желтоватого света от аккумуляторной лампочки. Привстав на подножку кабины, Грант осторожно заглянул в окошко. В фургоне, за столом, сидели пятеро «инженеров» и увлеченно играли в карты. Ничего особенного, вполне мирная картина – шлепают по крышке пластиковые листы, парни одеты в легкие парусиновые брюки и рубахи с короткими рукавами, открывающими загорелые мускулистые руки; распахнутые воротники, у одного на шее висит на тонкой цепочке костяной амулет в виде маленького слона с призывно поднятым хоботом. В боковых окнах встроены два кондиционера, но они сейчас выключены для экономии электроэнергии – и так стало прохладнее, вполне можно терпеть.

Горка мелочи на столе, пара пустых банок из-под пива, пачка сигарет «Житан», а в углу – мощная рация и около нее сидит человек в больших наушниках, с кобурой тяжелого пистолета на широком брезентовом ремне. Рубахи у сидящих за столом, на спине и под мышкам, покрыты темными пятнами пота, а тот, около рации, видимо, содрал под брезентовым поясом и распустил его, так, что кобура оказалась на виду.

Сэм уже хотел прыгнуть с подножки, когда с другой стороны машины послышались шаги, и он просто пригнулся, спрятавшись за кабину. Кто-то вошел в фургон – лязгнули ступеньки ребристой металлической лесенки, – и голос Доменика сердито произнес:

– Опять не выставили охрану?

– От кого? – недовольно отозвался один из игравших. Голос у него был сиплый, как будто говорил человек, болеющий ангиной. – Кругом ни души, водители справляют поминки по Пьеру, ты же им сам разрешил.

– Порядок есть порядок, – буркнул Доменик. Загремел пододвигаемый стул. – Даже в пустыне должен быть порядок.

– Ладно... Сейчас, только доиграем, – ответил сиплый.

– Последняя радиogramма... – Это, наверное, радист, догадался Грант.

Несколько секунд тишины, потом щелчок зажигалки, потянуло сигаретным дымком и запахом горелой бумаги. «Сжег листок», – понял Сэм.

– Что там? – поинтересовался сиплый.

– «Пчела» должна ужалить через два дня, – отчеканил Доменик. – Выставьте охрану, минут через сорок отправляемся.

Дождаться, пока он выйдет, Сэм не стал. Легко соскочив с подножки кабины фургона, он скрылся в сгущающейся темноте.

* * *

Тяжелые тела боевых кораблей казались мрачными серыми скалами, перегородившими лазурную поверхность бухты.

Бом... Бом... – сначала вспышка выстрела корабельной артиллерии, потом бьющий по нервам тугой звук. Пузатые боевые вертолеты «Кобра» шли на малой высоте к игу, в сторону нового, еще не достроенного аэродрома. За ними, прикрываемые истребителями, волной летели транспортники. Вот от одного из них отделилась едва заметная точка, за ней вторая, раскрылся купол парашюта, и вскоре все небо покрылось белыми пятнами, словно сдули пушинки гигантского одуванчика.

Бом... Бом... – была корабельная артиллерия, взрывались бомбы, трещали автоматы, и назойливо лез в ноздри запах горелого человеческого мяса...

Грант вздрогнул, тряхнул головой, отгоняя от себя навязчивое видение – кажется, он слегка задремал за рулем? Раньше за ним такого никогда не замечалось. Наверное, сказалась бессонная ночь в дороге и жаркий, полный маяты и тревожных событий день. Хорошо, что ничего не случилось – впереди все так же маячат красные огоньки машины Махтджба, сзади осторожно щупает дорогу лучами фар грузовик Отто, который недавно в компании у костра так сожалел, что ему не довелось послужить в гестапо.

Прелестная компания у вас, сэр Грант! Стоит закрыть глаза, как наваливаются кошмары гренадских событий, а с открытыми глазами ведешь по пустыне грузовик в компании бывшего гитлеровца и наемника из Иностранного легиона, известного своим садизмом, насилием и разнузданными грабежами, за что его солдат прозвали «гиенами», намекая на сходство пятнистых комбинезонов со шкурой стервятников.

Это только двое. Пьер, зарытый в могиле, оставшейся на вершине безымянного песчаного холма, затерявшегося в пустыне, по утверждению проводника, был оасовцем, что равносильно понятию «фашист».

А кто остальные? Кто такой итальянец по прозвищу Фиат, которому доверено вести фургон с мощной рацией и радистом, вооруженным пистолетом? Кто такой тощий, длинноногий Доменик, так пекущийся об охране фургона, кто отдает ему приказы по рации – приказы закодированные, малопонятные, и оттого приобретающие еще более зловещий смысл?

Наконец, кто такие Бастьен, весьма похожий на мужа-подкаблучника, Жак, с татуировками уголовного и спрятанным в кабине грузовика автоматом, «инженеры», приученные нести боевое охранение даже в условиях знойной пустыни?

Кого должна смертельно ужалить их «пчела» через полтора суток? Куда вонзится ее страшное жало и откуда его выпустят? Отсюда, с этих грузовиков, везущих станки для запуска ракет, а может быть, и сами боевые ракеты?

Сэм нашарил лежавшие рядом с ним на сиденье сигареты, прикурил, стараясь не смотреть на язычок пламени зажигания, чтобы потом не моргать глазами, вновь привыкая к темноте. Ароматный табачный дымком немного успокоил его, мысли потекли ровнее.

Действительно, зачем Доменику и его «инженерам» таскать с собой по пустыне направляющие и остальные детали станков для пуска ракет, не имея самих ракет? Правда, их могли доставить в нужную точку заранее и другим способом, например на грузовом вертолете. Тогда в конечной точке путешествия их караван ждет охраняемый лагерь, поскольку оставлять без присмотра такие серьезные вещи, как боевые ракеты, никто не станет, разве что умалишенный.

Нет, неправдоподобно – зачем нужно снаряжать целую экспедицию, сильно расковать, если проще все сразу забросить вертолетами. Экспедиция нужна только в том случае, если такой возможности нет и надо соблюсти полную секретность предприятия. Значит, и ракеты здесь, в кузове одного из тяжелых грузовиков, а группа специалистов-ракетчиков, по всей вероятности, едет в фургоне.

Так, тогда подумаем, где могут быть ракеты, в чьем грузовике. Фургон отпадает, его собственный грузовик тоже – в кузове только емкости с горючим и водой. Грузовик Пьера? Нет, его груз Сэм уже осмотрел, даже вскрыл один ящик, да и негде там было бы разместить ракеты, учитывая другой груз, а для залпа нужна не одна ракета и не две. Остаются четыре машины: Жака, Бастьена, Шардона и Отто. Снаряды должны быть минимум в двух, а то и в трех из них.

«Хорошо, – остановил сам себя Грант, – зачем тебе знать, в каких грузовиках спрятаны ракеты? Что ты сможешь сделать, да и стоит ли тебе вообще что-нибудь делать в такой ситуации? Привел грузовик на место, потом приехал обратно, сполна получил свои заработанные деньги... Стоп! А приедешь ли ты обратно при таком раскладе, вот в чем вопрос! Нет никаких гарантий остаться в живых, после того, как увидишь все спрятанное в кузовах грузовиков. Не оттого ли его так быстро и взяли в эту экспедицию, что о нем некому спохватиться ни здесь, в Африке, ни дома, в Штатах? Власти особенно тужить не будут, а старые приятели и подружки, с которыми Сэм когда-то учился в университете, наверняка давным-давно забыли о его существовании. С тех пор, как он завербовался в морскую пехоту, никаких связей с бывшими сокурсниками не поддерживал, да и прошел уже не один год – они закончили учебу и разлетелись кто куда, – кто на свое ранчо, повесив диплом в рамочку на стене, кто в офисы компаний по разработке недр, кто на родительские предприятия...».

Сэму стало вдруг так тоскливо и одиноко, что хоть вой на луну, выглянувшую из-за холмов. Прелестная перспектива – догадываться, что тебя непременно ухлопают, но только не знать точно когда: завтра или послезавтра. И еще не знать, как именно – может быть, тот же татуированный Жак воткнет тебе в спину нож, когда ты будешь наливать утром кофе, или спойкойно выстрелит в затылок Отто. Немцы, говорят, просто обожали подобные штучки. Хотя и Жак и Отто могут быть сами в таком же положении, как он, но пока не подозревают об этом.

«Нет! – подумал Грант. – Вспомни про автомат Жака, убитую антилопу и ностальгию Отто по службе в гестапо! Они же прибьют тебя и проводника, ни секунды не задумываясь. Дадут ракетный залп, а потом уберут их самих. За группой “инженеров” и Домеником прилетит вертолет, и все... Рвануть баранку в сторону, скрыться в ночной пустыне? Но куда скроешься?»

А если, действительно, сбежать вместе с Махтджубом – он, вроде, надежный парень, не должен подвести, – но кто помешает “инженерам” вызвать по радиации вертолет и прижать их грузовик в пустыне. Не зря же у Доменика в фургоне рация? С другими водителями затевать переговоры опасно – можно накликать беду раньше времени, а зачем будить лихо, пока оно спит?»

Зашипел динамик портативной радиации, и голос Доменика приказал:

– Останавливаемся. Разрешаю выйти из машин и перекурить.

Этот приказ Сэм воспринял как подарок судьбы – можно перетолковать с Махтджубом, посоветоваться и решить, что им делать дальше, как быть. Спрыгнув на песок с подножки своего грузовика, он побежал к машине бербера.

Махтджуб попался ему по дороге. Предупреждая расспросы, он шепнул:

– Иду к фургону. Доменик вызывает... Жди.

Грант вернулся к своему грузовику и, усевшись на подножку, закурил. Ожидание казалось тягостным, а отсутствие Махтджуба бесконечно долгим. Отто вылез из кабины, проскрипел слежавшийся, остывший за ночь песок под его тяжелыми шагами.

«Пошел к Шардону, – понял Сэм. – Нашли друг друга».

Наконец появился проводник. Сел рядом с Грантом, достал сигареты.

– Пока будем стоять, – прикуривая, пояснил он. – Ты говорил, у них там рация? Наверное, он ждет новых указаний...

– Может быть, – согласился Сэм. – Сколько мы будем здесь торчать?

– Не знаю, но они все не спят.

– Я прикинул, у кого в кузове могут быть ракеты, – тихо сказал Грант, опасаясь быть услышанным: в ночной пустыне звуки разносились далеко. – У машины Бастьена сильно проседают рессоры.

– Отто выматывается за рулем, у него тоже очень тяжелый груз, – возразил проводник.

– Значит, они оба везут, – заключил Сэм.

– Что ты надумал? – прямо спросил Махтджуб, но ответить Грант не успел: бербера позвали, и он побежал к фургону, вновь оставив американца наедине с его невеселыми мыслями.

На этот раз проводник отсутствовал дольше, – когда он вернулся, Грант уже ушел выкурить несколько сигарет.

– Ну? – не скрывая нетерпения, спросил он.

– Я был прав, мы едем на чужую территорию, – шепотом сообщил Махтджуб. – Доменик сейчас показал мне на карте точку, куда надо привести караван.

– Но граница! – возразил Сэм.

– Какая граница? – негромко рассмеялся бербер. – Ты что, думаешь тут, как в Европе? Пограничные посты, таможня, заполнение деклараций, проверка документов? Нет, здесь кругом только бескрайние пески. В лучшем случае полиция объезжает на джипе линию границы раз или два в месяц, а многие кочевники даже не знают, в каком именно государстве они живут. Просто кочуют туда-сюда со своими стадами и все. Кто тут будет думать о нарушении границ! Нам осталось пути на шестьдесят-семьдесят километров до того места, которое нужно Доменику. Он приказал пока ждать. Я понял так, что он хочет прибыть на место обязательно во второй половине дня.

– Странно... – пробормотал Грант. – И непонятно. Если мы еще не в чужой пустыне, а до границы осталось всего шестьдесят километров, то надо понимать, что углубляться на сопредельную территорию Доменик не намерен?

– Наверное, – согласился Махтджуб. – Вот еще что я заметил: на карте, примерно в ста километрах от места, куда мы должны прибыть, сделаны непонятные значки у крупных поселений уже на чужой земле. И рядом на карте написаны какие-то цифры.

– Возможно, кодовое обозначение цели, – предположил Грант, и тут его словно молнией пронзила догадка. – Слушай, Махтджуб, – он схватил бербера за руку и, притянув ближе к себе, зашептал ему в самое ухо – Я понял! Я все понял! Они хотят ударить ракетами по поселениям, где расположены военные базы. Как раз перед отъездом я видел по телевизору в программе новостей, что там еще остались французские солдаты. А вечера ждут потому, что хотят накрыть их ракетным залпом ночью. Тогда будет больше убитых и раненых. Понимаешь?

– Но ведь это бить по своим? – с ужасом отшатнулся от американца бербер. – Там полно местных жителей и таких же французов, как эти, что едут с нами.

– Какие это французы?! – досадливо отмахнулся Сэм. – Отто? Недобиток Гитлера. Шардон? Профессиональный наемник из Иностранного легиона «Гиена». Пьер, как ты сам сказал, был оасовец, короче говоря – фашист, как и Отто. А кто наши остальные попутчики? Им плевать и на местных жителей и на французских солдат. Правы были древние арабы, тща-

тельно подбирая людей в караваны, отправляющиеся в пустыню. Доменик тоже подобрал себе команду, только – как на пиратском корабле. Но оставят ли эту команду в живых после залпа? Может быть, нарядят их в чужую форму и перестреляют? Или прилетит вертолет и даст по нам пару ракет с воздуха? Впрочем, это равнозначно.

– Отдай кинжал! – вцепился в американца бербер. Сэм с трудом оторвал его руки от своей рубахи, встряхнул парня, успокаивая.

– Зачем тебе нож?

– Я убью Доменика! Такой ракетный залп – это новая война! Во всем обвинят арабов и начнут агрессию.

– Глупец, – отпихнул его Грант. – Они стрельнут и без Доменика, а ты всех не перережешь... – он опустился на песок, дрожащими руками вытащил из мятой пачки сигарету, прикурил. – Сядь, подумаем вместе, что делать, как нам спастись из этой чертовой западни.

– Ты трус, Сэм Грант! – свистящим шепотом сказал Махтджуб. – Трус! Ты побоялся быть убитым в новой заварухе, куда могли сунуть твою морскую пехоту, и потому дезертировал. И сейчас ты вновь обдумываешь пути дезертирства, а эти, – проводник махнул рукой в сторону фургона, скрытого темнотой, – готовятся начать новую войну. Здесь, в Африке! Ты эгоист и трус!

– Успокойся! – немного повывисив голос, прикрикнул на него Сэм. – Я не люблю, когда меня обвиняют в трусости.

– Не любишь? – издевательски переспросил бербер. – Но думаешь о собственном спасении, а не о том, как им помешать!

– Что мы можем? – с отчаянием спросил американец. – Что? Пойти с голыми руками на автоматы? Угнать машину с ракетами или пусковыми станками? Да нас прибьют и все! Нас двое против одиннадцати вооруженных людей, готовых на любое преступление.

– Тогда я буду действовать один, – решительно сказал Махтджуб.

– Не делай глупостей! – Сэм хотел поймать его за руку, однако проводник ловко увернулся и бросился к своей машине. Грант побежал за ним, но не успел.

Взревел мотор грузовика и он, выбрасывая фонтаны песка из-под колес, лихо развернулся и пошел на грузовик Бастьена.

«Хочет таранить машину с ракетами! – с ужасом подумал бывший морокой пехотинец. – Боже праведный, что он делает?!»

В сером, предутреннем свете несущийся на скорости запыленный грузовик казался похожим на некое доисторическое животное – тупое, огромное, готовое снести на своем пути любую преграду, смять, изжевать ребристыми скатами с каждой секундой сокращающееся пространство между ним и грузовиком Бастьена.

Из фургона шустро выскочили «инженеры», услышавшие рев мотора. Доменик судорожно вытаскивал из кармана оружие. В кабине грузовика мелькнуло бледное лицо Бастьена, которого Сэм про себя окрестил «подкаблучником».

«Сейчас он выскочит из своей машины», – решил Грант.

Но Бастьен не собирался бежать. Он распахнул дверцу кабины своего грузовика и дал очередь из автомата по скатам летящей на него машины. Потом еще одну. Сэм поразился тому, с каким хладнокровием этот, ничем не примечательный внешне человек, встретил надвигающуюся смертельную опасность.

С гулким хлопком, слышным даже сквозь натужный вой мотора, лопнули скаты. Машина Махтджуба, словно раненная, начала клониться на бок, ее резко повело в сторону, и наконец она остановилась, все же успев ударить кузов грузовика Бастьена.

Бербер сидел в кабине, осыпанный осколками стекла, бессильно упав грудью на баранку. Сэм думал, что он сейчас выпрыгнет, попытается удрать, скрыться в пустыне, но...

Бастьен шустро подскочил к подбитому грузовику, рванул на себя дверцу кабины, выволок бесчувственного проводника, бросив его на песок. От фургона бежали «инженеры» во главе с Домеником, с другой стороны спешили Фиат, Жак и Отто.

Сэм тоже побежал, ни на что не надеясь, просто повинуясь безотчетному желанию хоть чем-то помочь распластанному на песке Махтджубу.

Больше всего Грант сейчас боялся услышать короткий треск автоматной очереди, ставящей точку в скоротечной трагедии, лишаящей его единственного друга и союзника. Слава создателю, этого не произошло.

Видимо, Махтджуб потерял сознание при ударе. Глаза его были закрыты, в углу губ темнела тонкая струйка крови.

– Жив? – подбежав, спросил Доменик и наклонился над проводником.

Бастьен поднял стволом вверх десантный автомат и медленно вернулся к своему грузовику. «Инженеры» остановились чуть поодаль, а водители сгрудились вокруг лежавшего проводника и склонившегося над ним Доменика.

– Зачем ты это сделал? – потряс Доменик плечо Махтджуба. – Отвечай?

Вернулся Бастьен, уже без автомата, но с флягой в руках. Он отвинтил колпачок и вылил воду на голову бербера. Тот застонал, открыл глаза. Доменик повторил свой вопрос. Махтджуб молчал.

Выпрямившись, Доменик достал пистолет и направил его ствол в голову лежащего. Сэм быстро шагнул вперед и отвел руку Доменика в сторону:

– Не делайте этого!

Доменик повернулся, его глаза казались черными от злости. Он хотел вырвать свою руку, но Сэма неожиданно поддержал Отто:

– Янки прав! Без араба нам не выбраться отсюда!

– И он должен, все-таки, сказать, зачем устроил здесь автородео... – с нехорошей ухмылкой добавил Жак.

– Да, нам еще ехать обратно, – жалко пробормотал Фиат.

– Хорошо! Пустите... – Доменик убрал оружие. – Отнесите его к фургону. Поставьте домкраты и смените скаты. Я сам поведу его машину. Быстро! На все даю час... – и он ушел, уводя за собой «инженеров».

– Как ты? – Сэм опустил на корточки рядом с Махтджубом.

– Не трать зря времени, – тронул американца за плечо Отто. – У него наверняка сломаны ребра от удара об руль, а может, и что-то лопнуло внутри. Видишь, кровь на губах? Берись, понесем. Фиат и Жак пока возьмут домкраты.

Сэм послушно взял показавшееся странно легким тело Махтджуба за ноги. Отто поднял его за плечи, и они перенесли бербера в тень фургона. Доменика не было видно, «инженеры» забрались в свой ящик на колесах и прикрыли дверь. Небрежно подвинув проводника ногой, Отто пошел к подбитому грузовику, бросив Сэму через плечо:

– Не задерживайся тут...

Грант решил не обращать на это внимания. Сейчас ему преподали урок самопожертвования и силы духа, которая сильнее тела. А что же он сам, много знающий и умеющий, действительно трус и эгоист, как недавно оказал о нем этот парень? Неужели он, Сэм Грант, только и может всю свою жизнь заниматься спасением собственной шкуры от неприятностей и мучиться от назойливых кошмаров во сне? Помешать этим людям сделать их темное дело – помешать возникнуть новому военному конфликту, способному неизвестно куда завести, начав захватывать в сферу военных действий все больше и больше стран и народов.

Много ли надо для того, чтобы развязать бойню в мировом масштабе? Рядом Ближний Восток, называемый всеми газетами «пороховой бочкой», в Средиземном море и Персидском

заливе курсируют корабли Штатов и русских, кругом военные базы, где стоят ракеты с ядерными боеголовками...

Тихонько пожав безвольно лежавшую вдоль тела руку Махтджуба, Сэм с обидой и огорчением увидел, что его приятель отвернулся от него, как ни трудно ему было это сделать.

– Прости меня. Слышишь? Я им не позволю. «Пчела» завтра не ужалит, – оказал Грант и пошел к грузовику Бастьена.

Решение было принято, и он больше не сомневался в том, что оно единственно верное.

* * *

Бастьен стоял у кабины своего грузовика и курил, прислонясь к борту кузова, затянутого брезентом. Увидев подходившего Гранта, он бросил сигарету и настороженно спросил:

– Тебе чего? Иди работай...

Сэм, сделав вид, что послушался, повернулся и неожиданно ударил Бастьена ногой в живот. Тот согнулся от жуткой боли. Удар сцепленными руками по затылку добил его, заставив рухнуть на песок.

Быстро открыв дверцу кабины грузовика, Грант схватил короткий десантный автомат, начал торопливо шарить в поисках запасных кассет с патронами. Они нашлись на полу кабины, в брезентовом чехле. Сэм повеселел – теперь его просто так не взять.

Вытянув из брюк Бастьена ремень, Грант крепко связал ему руки за спиной. Оторвав рукав рубашки, сделал кляп и сунул Бастьену в рот. Потом впихнул все еще не пришедшего в себя водителя в кабину грузовика и захлопнул дверцу. Теперь к фургону!

Прятаться не было времени – в любой момент его могли обнаружить, и тогда начнется перестрелка. Это в планы Сэма не входило: он хотел решить все по возможности мирно.

Первое – он сделает все, чтобы обезоружить и запереть в фургоне «инженеров» и Доменика, который наверняка сидит там с ними. Замка на внешней стороне двери фургона нет, есть только ручка и скважина для ключа. Хорошо бы, конечно, закрыть их на ключ, но где его взять? Придется сейчас где-то отрезать кусок троса и, сделав петлю, накинуть ее на ручку двери фургона, а свободный конец обмотать вокруг подножки или зацепить за что-нибудь так, чтобы нельзя было открыть дверь изнутри. Да, еще рация! Но с этим совсем просто – дать очередь из автомата в ту стенку фургона, около которой она стоит, и рация станет грудой искореженных пулями электронных деталей.

Второе – водители, сменяющие исхлестанные автоматной очередью скаты грузовика, на котором Махтджуб пытался таранить машину Бастьена. Их придется под угрозой оружия загнать в тот же фургон и снова закрыть дверь. Потом можно будет оказать помощь бедняге берберу, лежащему на песке, и подумать, как поступить с ужасным грузом, который вез их караван. Не может быть, чтобы ему не удалось ничего придумать, когда он станет хозяином положения, а он обязательно должен им стать. Обязательно!

Подходящий кусок троса Сэм отрезал от брезентового полога грузовика Отто, – как раз то, что нужно, и по длине должен подойти. Перекинув автомат в левую руку, Грант нагнулся за упавшим тросом – и в этот момент ему прыгнули на спину, сбили с ног, пытаясь вырвать оружие.

Сэм, стараясь сбросить с себя нападавшего, напрягся до красных кругов в глазах, но противник был тяжелым и физически сильным, его туша, словно скала, давила сверху, мешая дышать. Кто-то второй навалился на ноги, Грант почувствовал, как одну ногу захлестнула петля, то ли ремня, то ли веревки.

«Пощады не будет!» – понял американец и, решив обмануть противников, расслабился, выпустив из руки автомат.

Уловка удалась – тяжесть, лежавшая на спине, немного сдвинулась влево. Сэм рванулся, поворачиваясь на бок и, заученным движением, сильно рубанул ребром правой ладони туда, где должна быть поясница лежавшего на нем человека. Грант знал, что даже если он не достанет его ребром ладони, то попадет хотя бы локтем, достаточно будет и этого, чтобы скинуть врага с себя, получить хоть какую-то свободу действий.

Удар достиг цели. Ужом вывернувшись из-под насевших на него противников, Сэм увидел Отто, отброшенного его ударом к кузову грузовика и упавшего на бок Доменика.

Медлить нельзя было ни секунды – удар ногой, и Доменик, сложившись пополам, скрючился на песке, но Отто тут же вновь навалился на Сэма, хрипя от напряжения и злости, вцепился ручищами в горло. Грант боднул его головой в лицо, но немец не выпускал, не обращая внимания на кровь, идущую из разбитого носа и губ.

«Он меня задушит», – теряя сознание, отстраненно подумал американец. Его рука непроизвольно потянулась к карману, где лежал кинжал бербера...

Свалив с себя хрипевшего Отто, Грант вскочил на ноги. Доменик уже сидел и, сморщившись от боли, трясущимися руками стягивал затвор пистолета.

«Нельзя дать ему выстрелить!» – мелькнуло в голове Сэма, и он одним прыжком очутился рядом с начальником экспедиции. Доменик попытался отползти, поднять оружие, но не успел. Грант выбил у него из рук пистолет и, приставив к горлу француза кинжал, приказал:

– Давай ключ от фургона!

Доменик, скосив вытаращенные глаза на острое, окровавленное лезвие, сделал слабый жест рукой в сторону своего нагрудного кармана. Сэм быстро вытащил оттуда ключ.

– Ты меня не убьешь? – просительно заглядывая в лицо Гранту, просипел Доменик.

– Пока нет. – Не отводя острия кинжала от сонной артерии Доменика, Сэм ногой подтянул к себе веревку, которой ему хотели связать ноги.

– Суй сюда руки, – велел он французу, подняв на уровень его груди петлю веревки.

Тот послушно выполнил приказание только после того, как Грант слегка кольнул его кинжалом. Затянув веревку, американец несколько раз обмотал ее вокруг запястий Доменика, а свободный конец привязал к его брючному ремню. Потом он подобрал пистолет и автомат. Отто лежал без движения, песок под ним уже успел пропитаться темной кровью.

– Откуда вы здесь взялись? – Грант сплюнул песок, набившийся в рот во время схватки.

– Отто следил за тобой... И я был уверен, что проводник действовал не один. – Доменик немного успокоился. – Если ты меня развяжешь, я сохраню тебе жизнь. У тебя все равно нет никаких шансов...

– Поглядим, – мрачно ответил Сэм. – Вы успели освободить Бастьена?

– К сожалению, нет, – отводя глаза, ответил Доменик, и Грант не понял: лжет он или говорит правду.

Все равно еще остались «инженеры» и водители. Если считать, что трое выбыли из игры, то на одного Сэма не менее семи противников, и пока не ясно с Бастьеном. Вернутся, поглядеть? Нет, надо торопиться, схватка с Отто и Домеником отняла несколько лишних минут, а может быть, уже и лишила его преимуществ внезапности.

– Вставай! – Сэм ткнул Доменика носком ботинка в бок. – Пойдем.

– Мы могли убить тебя, но не сделали этого... – быстро заговорил француз. – Подумай о последствиях.

– Ты не убил меня потому, что хотел потом нарезать ремней из моей шкуры, пытался, почему я это сделал и кто мне велел так поступить, – наклонившись к бледному лицу Доменика, тихо оказал Грант. – Вставай, пошли к фургону. У дверей крикнешь: «Это я, ребята» или что-нибудь в этом роде. И без сюрпризов!

Сэм передернул затвор автомата и помог французу подняться на ноги. Тот понуро зашагал впереди американца к фургону.

Теперь Грант был постоянно настороже – еще одна непредвиденная схватка – и все может сорваться, а то и просто всадыт пулю между лопаток.

В тылу у него остаются связанный Бастьен, Жак и Фиат, впереди фургон с «инженерами». А если кто-то из них сейчас стоит на часах, как велит Доменик? И надо бы, наверное, забрать автоматы из кабин других грузовиков, хотя бы из грузовика Жака. Как он мог забыть об этом?!

Внезапно Доменик мотнулся за кузов ближайшего грузовика и, громко крича, побежал к фургону, неуклюже раскачиваясь на бегу и утопая ногами в песке. Кинувшийся следом за ним Грант тут же остановился – из фургона кубарем скатился один из «инженеров» вооруженный автоматам. Сэм дал по нему очередь. «Инженер», ткнулся в песок и затих. Таиться больше нн имело смысла.

Нырнув под грузовик и прикрываясь его скатами, Грант выпустил длинную очередь по фургону. Там что-то зазвенело, раздался нечеловеческий рев, как будто он ранил дикого зверя.

Возившийся у подбитого грузовика Фиат шустро упал и ящерицей пополз в укрытие. Жака нигде не было видно. Доменик бестолково заметался перед стоявшими в ряд машинами, видимо, не зная, на что решиться. Ему очень мешали связанные спереди руки. Сэм хотел выстрелить в него, но передумал и торопливо пополз ближе к фургону.

Доменик тоже упал на песок и, помогая себе ногами, уползал к подбитому грузовику, туда, где спрятался Фиат.

Осторожно выглянув из-за колеса, Сэм увидел Жака. Тот, настороженно поводя в разные стороны ствол автомата, вылезал из кабины своей машины. Перекатившись, Грант вскочил на ноги – теперь его и Жака разделяли стоявшие в ряд грузовики. Вспрыгнув на подножку фургона, Сэм сунул ствол автомата в разбитое окно, через которое он недавно и подслушал разговор Доменика и «инженеров».

Разглядывать, что творится в салоне фургона, ему было некогда. Поведя ствол, он дал еще одну очередь, целясь в тот угол, где стояла рация – они не должны сообщить своим хозяевам о том, что произошло в пустыне. Ах, если бы у него была хоть одна граната!

Сэм едва успел прыгнуть с подножки, как обшивку фургона распорол очередь, выпущенная Жаком, – он успел проскочить на эту сторону колонны и хотел расстрелять Гранта в спину.

Жак подставляться не был намерен – он лежал, спрятавшись за колесом грузовика, и бил короткими очередями, заставляя Сэма плотно вжиматься в уже начавший раскаляться под солнцем песок и потихоньку переползать в сторону пустыни, дальше и дальше от колонны.

«Хочет, чтобы я уполз из мертвой зоны и можно было стрелять по мне из окна фургона. Надеется, что там еще есть живые», – понял Грант. Перспектива оказаться между двух огней не прельщала, и он снова пожалел, что у него нет гранат.

Сгруппировавшись, Сэм рывком кинулся под днище фургона. Сзади, запоздав, выбили фонтанчики песка пули, выпущенные из автомата Жака. Недолго думая, Грант крест накрест исполосовал длинными очередями весь грузовик, под которым прятался противник. Стрелять было удобно – Сэм лежал под днищем фургона и Жак оказался на директрисе огня.

Еще раз перекатившись, американец вскочил на ноги и рванул дверь фургона. О Жаке он больше не думал – вряд ли тот уцелел под ливнем свинца.

Влетев в фургон, Грант тут же упал на бок, больно ударившись о поваленный стул, и дал очередь. Со звоном посыпались стреляные гильзы, раскатились в стороны. Повисла тишина, потом раздался слабый стон. Мгновенно оценив обстановку, Сэм поднялся на ноги, не выпуская из рук оружия.

Два «инженера», видимо, были убиты его первой очередью по фургону – они ничком лежали на залитом кровью полу. Радист, насквозь прошитый пулями, упал грудью на разбитую вдребезги рацию. Двое оставшихся в живых были ранены – один стонал, сидя прислонясь

спиной к стенке фургона, второй пытался доползти до оружия, стоявшего в углу. Упираясь в пол руками, он упрямо тянул за собой окровавленные, перебитые ноги.

Грант перешагнул через него, вынул из стоявших в углу автоматов кассеты с патронами и выбросил их в окно. Посадил второго раненого рядом с первым к стенке фургона. Оружия у него не было. Прихватив пистолет радиста, Сэм вышел.

– Эй, Фиат! – крикнул он. – Иди сюда, не бойся!

Итальянец опасливо выглянул из-за колеса разбитого Махтджубом грузовика и снова спрятался. Досадливо сплюнув, Грант сам пошел к нему, чувствуя, как солнце начинает прожигать спину под рубахой. По дороге он взглянул туда, где прятался Жак, и тут же отвернулся – слишком напоминала эта картина то, что он часто видел в своих навязчивых кошмарах.

Как оказалось, Фиат успел развязать Доменика, и теперь они оба боязливо жались друг к другу, прячась под днищем грузовика. Из приоткрытой двери кабины своей машины на американца злобно глядел связанный Бастьен с кляпом во рту.

– Вылезайте! – приказал Сэм итальянцу и Доменику. – Хватит убитых!

Первым повинился Фиат. Неуклюже выбравшись из-под машины, он стоял, нервно облизывая губы и со страхом глядя на автомат в руках Гранта.

Быстро обыскав его, Сэм отобрал складной нож и подтолкнул итальянца к машине Бастьена:

– Помоги ему добраться до фургона, но не вздумай развязывать.

Фиат рысцой потрусил исполнять приказание. Доменик вылез из-под машины мрачным.

– Иди! – подтолкнул его к фургону Грант. – Где перевязочные материалы?

– В кабине фургона, – буркнул Доменик. – Ты все равно труп!

– Иди-иди! – разозлился американец. – Я тебя сделаю трупам быстрее.

Загнав Бастьена и Доменика в фургон, он запер за ними дверь снаружи, предварительно сбив внутреннюю головку замка прикладом автомата.

«Вот и тюрьма на колесах? – невесело усмехнулся Сэм, твердо решивший по возвращении сдать властям и рассказать о произошедшем в пустыне.

Проверив кабину фургона, он убедился, что там нет оружия и, разыскав аптечку, сунул ее в разбитое окно:

– Окажите помощь раненым.

– А убитые? – язвительно спросил Доменик.

– Разберемся... – пообещал ему Сэм тоном, не сулящим ничего хорошего.

Фиат послушно сидел на том месте, которое ему указал Грант. Разыскав другую аптечку и взяв флягу с водой, Сам приказал ему перевязать бербера, а сам пошел проверять кабины других грузовиков. Оружия больше нигде не было. Сменив кассету в своем автомате, Грант, преодолевая приступ тошноты, подошел к телу Жака и, подняв его автомат, забросил его подальше в пески. Когда Фиат закончил перевязывать Махтджуба, Сэм отпер дверь фургона и разрешил вынести убитых, потом снова запер фургон, загнав в него и послушного Фиата.

Теперь можно было перекурить, подвести итоги и подумать, что делать дальше. Пьер укушен змеей и зарыт в песке, убиты Жак, Отто, три «инженера» и радист. В живых остались сам Сэм, покалеченный бербер, Доменик, Фиат, Бастьен и два раненых из фургона. Бросить здесь на произвол судьбы никого из живых Грант не хотел, а уезжать только на фургоне нельзя – там негде разместить запасы горючего и воды. Придется ехать на двух грузовиках – машину с водой и горючим он поведет сам, устроив в кабине рядом с собой раненого проводника, а за руль фургона посадит Фиата.

А где же Шардон? В пылу скоротечного боя Сэм совсем забыл о нем. Где этот бывший наемник из Иностранного легиона, у которого, наверняка, тоже было оружие? Спрятался и ждет удобного момента, чтобы разрядить свой автомат в спину Гранта? Не побежит же он в пустыню?

Американец снова обошел грузовики, держа наготове оружие, – Шардона нигде не было. Сэм стал заглядывать под днища и в кузова.

Шардона он нашел в кузове того грузовика, под которым прятался Жак. Наемник лежал ничком, сжимая в руках автомат, – видно, достала шальная пуля во время перестрелки. Сам не стал его трогать, так и оставив на длинных ящиках из тонких досок, заполнявших кузов. Вернувшись к пришедшему в себя Махтджубу, Грант взял приятеля на руки и отнес в кабину своей машины.

– Потерпи, скоро поедem назад.

Бербер ответил ему слабой, вымученной улыбкой. Закинув автомат за спину, Сэм влез в кузов грузовика Отто и отодрал доски на одном из заполнявших его ящиков. Тускло блеснула серая поверхность сигарообразного предмета. Да, ракеты были здесь, но оставлять их Сэм не был намерен. Доменик должен везти с собой взрывчатку, обязательно должен – она могла пригодиться на неизвестном ему месте, где пришлось бы разворачивать ракетную установку для залпа, – пусть кругом песок, но с ним тоже возня, а направленный взрыв значительно облегчает любые работы по подготовке площадки.

Обливаясь потом под палящими лучами солнца, от которых временами темнело в глазах, Грант начал методично обшаривать грузовики. Наконец в кузове грузовика Пьера обнаружился ящик с круглыми палочками взрывчатки. Еще полчаса Сэм потратил на то, чтобы изготовить из них связки и размотать бухту бикфордова шнура. Заметив по наручным часам, за какое время выгорает метр шнура, Грант разложил взрывчатку в кузове грузовиков с ракетами и пусковой установкой, соединил шнуры, оставив запальный конец: вот и пригодились занятия по взрывному делу.

Притащив от своей машины тяжеленную канистру с бензином, он, на всякий случай, облил им брезентовые тенты заминированных грузовиков. Отогнал в сторону свой грузовик, потом поставил за ним фургон, зацепил его бампер тросом, взяв на буксир, и остановился, только порядочно отъехав. Вернулся пешком к брошенным машинам и, чиркнув зажигалкой, поднес язычок пламени к запалу бикфордова шнура.

Убедившись, что он не потухнет, Сэм прбежал назад и, скинув трос буксира, отпер дверь фургона:

– Фиат! Вылезай!

Итальянец не заставил себя ждать. Закрыв за ним дверь, Сэм показал ему на кабину:

– Я поеду впереди, а ты за мной. Понял? Не вздумай сворачивать в сторону – вода и бензин в моей машине.

Фиат кивнул и сел за руль, завел мотор. Грант забрался в кабину своего грузовика. Потный и бледный, Махтджуб смотрел на него полными боли глазами.

– Что ты собираешься делать?

– Возвращаться, – ответил Грант, включая зажигание. – Нам куда?

– Прямо, пока все время прямо... – стиснув зубы, прошептал бербер.

Сэм гнал машину, нетерпеливо поглядывая на часы: вот-вот должно гроыхнуть сзади. Бросив беглый взгляд в боковое зеркальце, он с ужасом увидел, что фургон, за рулем которого сидел Фиат, сильно отстал и уже разворачивается, намереваясь повернуть назад.

– Стой! – Грант остановил машину и выскочил на подножку. Передернув затвор автомата, дал очередь в воздух. – Стой!

Но выстрелы словно только подстегнули Фиата. Видимо, Доменик командовал им через разбитое окно фургона, приказывая во что бы то ни стало вернуться назад, к брошенной колонне, туда, где валялись на песке трупы убитых в перестрелке и полные патронов кассеты к автоматам. А потом на машины – и в погоню за Сэмом...

– Стой! – снова закричал Грант и понял, что его не слышат или не хотят слышать. В зеленоватом окошечке циферблата электронных наручных часов неумолимо выскакивала цифра

за цифрой – догонять фургон, который издали уже казался не больше спичечного коробка, было бесполезно...

Пустыня словно качнулась, и тугой ком горячего воздуха ударил Сэма в грудь. Фургон, который вел Фиат, высоко подпрыгнул и, перевернувшись в воздухе, повалился на бок, беспомощно вращая колесами. Высокое, казавшееся белым в ярком свете пустынного солнца пламя, поднялось на месте брошенных грузовиков с ракетами. Поднялось и опало. Потом тяжело бухнул взрыв, и песок под колесами машины вздрогнул, словно нечто огромное повернулось в самой глубине недр.

Не обращая больше внимания на частые гулкие взрывы за спиной, Грант торопливо погнался грузовик дальше от страшного места, где огонь пожирал все, что осталось от поисковой партии фирмы «Петроэкстракцион»...

* * *

Махтджуб умер ночью. Сначала Сэм хотел взять его тело с собой, но потом решил, что лучшим местом для успокоения бербера будет пустыня, которую он считал живым существом – пусть теперь вместе с ней мучается днем от палящих лучей, а по ночам празднует избавление от зноя, познавая ее самые сокровенные тайны при загадочном свете полной луны.

Насыпав над Махтджубом небольшой холмик из песка, Сэм дал прощальный салют из автомата и заплакал. Слезы ручьем текли по его небритому, дочерна обожженному солнцем лицу, и он не стеснялся и не вытирал их – они словно смывали всю грязь, накопившуюся в его душе, делая ее светлее и чище.

И еще Грант понял, что он теперь остался один на один с чужой, непонятной и враждебной ему пустыней...

Через несколько дней скитаний по пескам за рулем грузовика, Сэм впервые увидел мираж – раскидистые тонконогие пальмы и манящую лазурную гладь моря с белоснежными парусами яхт. Но у него еще оставалась вода и он только зло рассмеялся, даже не почувствовав, как из пересохших, лопнувших губ потекла на заросший щетиной подбородок тонкая струйка крови...

Еще через три дня мотор грузовика неожиданно заглох, и все попытки Сэма оживить его оказались бесплодными. Сначала он хотел было идти по пескам пешком, неся на себе оставшийся запас воды, но потом им вдруг овладела странная апатия и Грант остался около машины, прячась от палящих лучей в ее тени.

И снова в его воспаленном мозгу нутужно выли пикирующие «фантомы» и злобно кричал сержант: «Убей его! Убей»...

* * *

– Как успехи? – голос, звучавший в телефонной трубке, был сух и деловит.

Леду явственно представил себе большую, веснушчатую руку, небрежно прижимавшую трубку к поросшему рыжевато-седыми волосками уху. Вот бы хорошо, если бы сам Леду был там, в Париже, а на его месте сидел этот, уже начавший питаться по диете человек, и оправдывался. Но это только пустые мечтания...

– Непредвиденные обстоятельства, – с трудом выдавил из себя Леду.

– Они всегда возникают там, где есть серьезные недостатки в организации, – назидательно сказали в трубку. – Кто-нибудь остался?

– Нет, месье.

– Хорошо, – на том конце провода то ли вздохнули, то ли зевнули. – Я скоро прилечу. Подумаем вместе еще раз... – в наушнике раздались короткие гудки.

Леду вытер потный лоб платком и осторожно опустил трубку на рычаги аппарата спецсвязи...

* * *

Вечером Огюст Реми направился в китайский ресторанчик – он любил изыски азиатской кухни, считая, что в жизни надо почаще баловать себя, не дожидаясь, пока это сделает недוגадливая фортуна.

На улице его обогнал темный автомобиль. Сидевший сзади водителя человек высунул в открытое окно ствол автомата и выпустил в месье Реми почти половину диска.

Толстяк развернуло и бросило на стену, словно вбивая в нее пулями. Автомобиль уехал, а тело Реми сползло по стене на тротуар, глядя ему вслед невидящими глазами...

Господин Леду хорошо помнил о том, что вместе с месье Реми уходила в небытие история неудавшейся экспедиции фирмы «Петроэкстракцион»...

* * *

Яхта легко качнулась на волне, дрогнули и смешались солнечные блики, игравшие на подволоке просторной каюты, обшитой светлым деревом.

– Какая же все-таки гадость... – Гость брезгливо отодвинул от себя тарелочку с мюсли. – Плохо быть больным и старым человеком.

Сидевший напротив гостя Леду оторвался от сочного бифштекса:

– По-моему, вы несколько преувеличиваете.

– Ну нет! Когда человек начинает выдерживать диету – пиши пропало! Это одна из верных примет близкой старости, как ни печально.

Леду поглядел на крупные, все еще мускулистые руки гостя, покрытые густой сыпью рыжих веснушек. «Кокетничает. До дряхлой старости ему еще ой как далеко».

– Хотите сигару? – гость закурил.

– Нет, благодарю вас.

– Как знаете... Вторая примета старости – склонность к воспоминаниям. – Гость откинулся на спинку стула и мечтательно прищурил небольшие светлые глаза. – Какие раньше были люди, Леду! Так легко и приятно было с ними работать, например Минье. Впрочем, его вы не можете помнить, тогда вы еще учились в университете...

Гость ошибался. Леду помнил Руфино Минье. Полтора десятка лет назад тело Минье нашли на мостовой в одном из ночных кварталов Марселя. Его убили после появления в печати сведений о секретной операции западных спецслужб в Северной Африке. Минье пристрелили прямо на улице, выпустив в него почти всю обойму из окна проезжавшего мимо автомобиля. Уже потом, много лет спустя, Леду узнал, что Руфино Минье являлся одним из участников операции, но, видимо, не сумел удержать язык за зубами или польстился на обещанный крупный гонорар за сообщенные сведения, а может быть, просто пришла пора и ему замолчать навсегда. Кто знает? Гость из Парижа, сидящий сейчас напротив с сигарой в руке?

Весьма возможно, что по прошествии долгих лет сам Леду вот так же будет вспоминать об Огюсте Реми.

Наверняка парижский гость уже тщательно изучил специально подготовленный для него доклад о начатой новой операции. Не так давно ставшая полностью независимой, страна стремится освободиться от чужих военных баз на своей территории, намеревается национализировать принадлежащие крупным фирмам рудники и закрыть свои порты для кораблей, имеющих на борту ядерное оружие. Дурной пример заразителен, а страна так близка к территории «нефтяных эмиратов» и имеет выгодное стратегическое положение.

Сейчас так нужен конфликт, любой конфликт, чтобы задержать вывод еще оставшихся там войск и ввести новые, навсегда растоптав кованым каблуком солдатского ботинка все попытки обретения действительной самостоятельности и независимости. Нет, внешне все стоит оставить по-прежнему и позволить их лидеру и дальше произносить громкие речи о национальной гордости, но только внешне...

Ну не получилось с первого раза, с кем не случается. Надо попробовать еще разок.

– Вы прочли мой доклад? – Леду не стал скрывать своих мыслей.

– Да, прочел. Поэтому и трачу здесь на воспоминания свое время, которого у пожилых людей остается не так уж много. Вы сумели найти интересный ход, Леду, хотя он далеко не новый. Таким способом воздействовали на складывавшуюся ситуацию еще в Третьем рейхе. Там тоже были прекрасные мастера своего дела. Но меня опять волнуют исполнители, Леду. Исполнители! Вы же не сможете все сделать один? Американцы любят прибегать к помощи мафии – их люди организуют исполнение замысла секретной службы, а потом сами убирают ненужных свидетелей. Но в арабском мире нет такой мафии. – Гость засмеялся, но тут же оборвал смех. – Время идет, Леду, вам надо поторапливаться со второй попыткой, но – без осечек!

– У меня уже есть новый руководитель группы, а у него люди, готовые на все ради денег. Не хватает только нескольких человек, но это дело двух-трех дней. А потом все замолчат, как Руфино Минье.

– Прекрасно... – гость бросил в пепельницу окурок. – Прекрасно, Леду. Заказанное вами оборудование уже в пути. Думаю, завтра груз прибудет в порт назначения, руководитель надежен?

– Да, вполне. Проверен делом.

– Хорошо, – поощрительно улыбнулся гость и положил свою руку на плечо Леду. – Давайте поднимемся на палубу, немного подышим. Я так люблю воздух Средиземноморья...

* * *

Туареги, случайно обнаружившие в пустыне одинокий заглохший грузовик, сняли с него все, что только могло им пригодиться в кочевой жизни, а машину и так скоро занесет песком, навсегда скроет ее следы – пустыня прекрасно умеет хранить свои тайны.

Находившегося без сознания, отощавшего высокого светловолосого бородатого человека, обожженного палящим солнцем, они взяли с собой – так распорядился вождь, когда ему подали старинный берберский кинжал в кожаных ножнах, найденный на теле чужестранца. Светловолосого поили козьим молоком и ухаживали за ним, как за ребенком.

Через несколько дней Сэм Грант пришел в себя и с удивлением обнаружил, что мучившие его кошмары исчезли.

Хотелось верить, что навсегда...

Блюдо из пшеничных хлопьев с фруктами.

Покушение

Вертолет развернулся перед посадкой, нацеливаясь на площадку, вырубленную в скалах побережья, за которыми до горизонта раскинулось необъятное море. Поглядев в иллюминатор, Хон подумал, что внизу наверняка уже засекли появление машины и сейчас бдительные глаза охраны разглядывают ее в сильную оптику, а радист послал кодированный запрос, устанавливая, какие гости пожаловали в уединенное убежище Кристофера Филда. И если пилот перепутает пароль или даст сбой электроника автоответчика, то...

Лучше об этом не думать, но все-таки противно, когда твоя жизнь может зависеть от глупых случайностей.

Едва колеса машины коснулись площадки, Хон вздохнул с облегчением и, отстегнув ремни, встал с кресла. Спрыгнув на прогретый солнцем бетон, он увидел секретаря Филда, стоявшего около автомобиля, а в стороне нескольких парней в пятнистых комбинезонах, вооруженных автоматическими винтовками с оптическими прицелами. «Кристофер по-прежнему боится террористов», – усмехнувшись, подумал Хон и направился к ожидавшему его секретарю, предупредительно распахнувшему перед гостем шефа дверцу лимузина.

Через полчаса, миновав посты охраны, Джеймс Хон вошел в гостиную виллы, выстроенной на вершине утеса, далеко выдающегося в море. Шторы на окнах были приспущены, чтобы умерить яркий свет безжалостного южного солнца, тихо жужжал кондиционер, навевая приятную прохладу, чуть синели кубики льда в большом серебряном ведре, стоявшем на столике среди бутылок. Хозяин – дородный, с густой седой шевелюрой и мощными руками борца-тяжеловеса, одетый в темно-красный шелковый халат, расшитый золотыми драконами и иероглифами, изображающими здоровье и долголетие, – нетерпеливо постукивал по полу обутой в пляжную туфлю ногой. На другую ногу хозяина Хон старался не смотреть, чтобы лишний раз не видеть протез и не напоминать Кристоферу о его увечье – и так постукивание туфли о мраморный пол означает, что он раздражен, но пока сдерживается.

– Я только из бассейна, – подав Джеймсу руку, вместо приветствия сказал Филд. – Благодарю, что откликнулись на предложение встретиться. Присаживайтесь.

– Прошу извинить, произошла непредвиденная задержка в пути, – безошибочно угадав причину недовольства хозяина, улыбнулся Хон. Против его воли улыбка получилась несколько заискивающей, и это испортило ему настроение.

– Главное, что вы здесь, – пробурчал Кристофер, раскуривая сигару, и небрежным жестом подвинул коробку ближе к гостю: – курите.

– Спасибо, я предпочитаю сигареты, – отказался Джеймс.

– Как знаете, – равнодушно откликнулся хозяин и, не теряя времени, перешел к делу. – Я ознакомился с материалами и меня заинтересовали ваши предложения, но...

Он замолчал и, нахмутив кустистые брови, уставился на покрытый сизым пеплом кончик сигары, словно увидел там нечто, недоступное гостю, не решавшемуся прервать молчание.

– Помните Момо? – подняв глаза на Хона, неожиданно спросил Филд.

Хон помнил Момо, или, вернее сказать, Сэма Джианкано, одного из заправил мафии. В свое время газеты много писали о нем – его нашли убитым шестью выстрелами из револьвера в районе Оук-Ридж в Чикаго, где он жил и «работал», причем Момо убили именно тогда, когда его показания могли быть особенно полезны при расследовании попытки покушения на Фиделя Кастро. Джианкано был видной фигурой в уголовном мире и свой «бизнес» в Чикаго унаследовал от знаменитого Аль Капоне, значительно расширив «предприятие» и став в период правления на Кубе Батисты владельцем одного из крупнейших игорных домов в Гаване.

Сэма Джианкано привлек к работе на спецслужбе экс-агент ФБР Роберт Мехью, сотрудничавший с мультимиллионером Говардом Хьюзом и поддерживавший тесные контакты с тогдашним шефом управления безопасностью ЦРУ Шеффилдом Эдвардсом. Вместе с Джианканой в деле был замешан другой человек мафии – Джон Роселли, ранее прилично наживавшийся на проституции и игорном бизнесе, процветавшими при Батисте на Кубе. Потом в махи-нации влезли шеф ФБР Герберт Гувер, известные Роберт и Джон Кеннеди... Многие ли теперь из них живы? Не на это ли намекает хозяин?

Два десятка лет назад он сам, еще ходивший на двух ногах, до страшной автомобильной аварии, сделавшей его калекой, сотрудничал со спецслужбами и вовлек в это студента университета Джеймса Хона, оказав тому покровительство и поддержку. И сейчас, весьма богатый, да что там весьма, просто очень богатый и влиятельный человек, Кристофер Филд являлся связующим звеном между спецслужбами и хозяевами трансконтинентальных корпораций, почему Хон и решил обратиться со своими предложениями именно к нему.

Филд перекатил сигару из одного угла рта в другой и хитро прищурил некогда голубой, а теперь выцветший от старости глаз. Его лицо, с отвисшими щеками, стало удивительно похожим на лицо Черчилля. «Он это знает и подражает кумиру своей молодости», – понял Джеймс.

– Интуиция вас не подводит, – не выпуская из рта сигары, проворчал Филд, – но... опасная штука! Понимаете? Интересный ход, хотя далеко не новый. Не удивляйтесь, если я опять произнесу все то же пресловутое «но»! В стране, о которой идет речь в вашем докладе, нет мафии в нашем понимании, и вообще там живет сущий сброд: белые, черные, христиане, мусульмане всех цветов кожи, арабы, китайцы и прочие выходцы из Азии. Считайте меня консерватором, но с мафией всегда работать проще.

Выплюнув изжеванную сигару прямо на пол, он хрипло рассмеялся и откинулся на спинку кресла, разведя в стороны руки, как бы призывая гостя выдвинуть в свою защиту контр-аргументы.

– Согласен, – осторожно возразил Хон, не замедлив воспользоваться молчаливым разрешением хозяина защитить свои позиции. – Зато там есть другое: например, религиозный фанатизм, национальная рознь между племенами, наемная армия с кастовым офицерским корпусом. Если все четко организовать...

– Да, конечно, – останавливая его, поднял руку Филд, – а вы ознакомились с теми материалами, которые по моей просьбе передали вам? Тогда скажите, почему события развернулись не так, как мы предполагали, после гибели Улафа Пальме или Индиры Ганди? А ведь неплохой был вариант! Надо четче продумать все мелочи, Джеймс, четче! Не все армейские части в стране наемные, не все офицеры из замкнутой касты. И вообще, вспомните, какой шум подняли писаки, пронюхав об учениях НАТО в Риме, где отрабатывался вариант государственного переворота в Греции.

– Способы перекрытия возможной утечки информации предусмотрены, – поджал бледные губы Хон. – Все должно произойти быстро и неожиданно, никто не успеет опомниться. А надежные люди готовы и ждут. Но стоит ли ждать, если президент страны либеральничает, прислушиваясь к речам в парламенте, призывающим к национализации рудников, шахт и нефтепромыслов? Необходимо усиление режима, и потому я решил вас обеспокоить.

Филд поднялся с кресла, прихрамывая подошел к окну и, потянув за шнурок, приподнял штору – сразу же в гостиную ворвались потоки света. Не оборачиваясь, он глухо сказал:

– Хорошо. Но усиление демократии в стране должны оплатить ее собственные налогоплательщики. В принципе, ваш замысел мне импонирует. К сожалению, мы живем в такое время, когда голов больше, чем мыслей, люди становятся удивительно ленивы.

– Вы меня захвалите, – чуть привстал Хон, привычно пригладив ладонью поредевшие на темени светлые волосы.

– Ни в коем случае, – повернулся к нему Филд. – С чего это вы взяли? Ваши предложения еще нуждаются в серьезной доработке, но это не страшно. Главное – есть идея!

– Будет сделано все, чтобы ее поскорее материализовать, – заверил гость. – Мы создадим новый тип демократического государства. Без левых! Им останется место только на кладбище.

Хозяин отошел от окна и, прохромав к бару на колесиках, плеснул в стаканы виски, разбавил его и бросил кубики льда. Пристально наблюдавший за ним гость понял, что Филд принял его идею и теперь поддержка обеспечена, а это так много, если не сказать – почти все.

– Там, кажется, обретается ваш однокурсник, Эдвин Греди? – подавая Хону стакан, поинтересовался Кристофер. – Вы не говорили с ним?

– Нет, он слишком близок к президенту, – кивком поблагодарив хозяина, ответил гость.

– Да, помню, вы, кажется, уже писали мне об этом, – подтвердил Филд, побалтывая в стакане с виски кусок льда. Толстый хрустальный стакан казался маленьким в его огромной лапе, покрытой темным загаром. – Он действительно так заинтересован в укреплении его власти?

– Более чем! Если президент перестанет быть президентом, то Греди банкрот.

– Прелестная деталь, – криво усмехнулся Кристофер. – Когда вы хотите вернуться?

Джеймс слегка наморщил лоб и улыбнулся – его покровитель явно желает продлить свидание, намереваясь вложить в Хона собственные мысли по поводу прочитанного и дать ряд дельных советов. Стоит ли пренебрегать ими?

– Полагал завтра к вечеру, поскольку не хотелось бы настораживать долгим отсутствием тех, кто может мной интересоваться. А так – провел уик-энд и вернулся.

– Тогда у нас есть время, чтобы обсудить некоторые детали и постараться придумать, как избежать ошибок в этой непростой игре...

* * *

– Меня оболгали! Нагло оболгали! Да иссушит Аллах мозг этих сынов оспы!

Фарид Акбар, бизнесмен китайского происхождения, более известный в ночных кварталах под именем Мензы, возмущенно бросил на стол документы, переданные адвокатом.

Пожилый надзиратель, одетый в помятую форму тюремного ведомства, дремавший на стуле в конце длинного стола, стоявшего в комнате свиданий центральной тюрьмы, приоткрыл глаза. Укрепленная под потолком камера-монитор неслышно повернулась и нацелилась на Мензу фиолетово отсвечивающим объективом. Покосившись на нее, Акбар несколько понизил голос и сказал сидевшему напротив адвокату Барелли:

– Чудовищная ложь! Кто наплел обо мне такое, кто?

– Это запрещено, – зевнув, скучно прогнусавил надзиратель, тоже поглядев на бдительный монитор.

– Извините, – адвокат слегка наклонил в сторону надзирателя напوماженную голову.

– Продолжайте, – милостиво разрешил тюремщик и снова прикрыл глаза.

– Не волнуйтесь, господин Акбар, – улыбнулся Барелли своему подзащитному, – это вредно для вашего здоровья, а у нас впереди процесс.

– Хорошенькое дело, – фыркнул Менза, вытирая потное лицо скомканным носовым платком. Тюрьма Бир, что на арабском означает «колодец», была старой постройки, и в комнате свиданий не предусматривались кондиционеры. Свое прозвание тюрьма получила за глухой двор, похожий на выбитый в красноватой глинистой почве колодец, куда выходило зарешеченное окно комнаты свиданий. Раньше адвоката пропускали прямо в камеру к Акбару, но сейчас нечто изменилось на воле и приходится общаться здесь, в присутствии сонного болвана тюремщика и под неусыпным надзором камеры-монитора. Но что там произошло, что? Как это узнать, на каком лисьем языке говорить, чтобы не вызвать подозрений?

– Хорошенькое дело, не волноваться, – повторил Менза, пряча платок в карман брюк: как отбывающему предварительное заключение, ему разрешалось ходить в собственной одежде. – Дайте сигарету.

Адвокат поглядел на тюремщика. Тот, приоткрыв один глаз, согласно кивнул. Барелли положил перед собой пачку сигарет и дешевую зажигалку, подвинул их через стол к подзащитному. Вторую пачку он шелчком отправил в сторону тюремщика. Она упала, и тому пришлось нагнуться. В этот момент Менза успел вытянуть сигарету, а пачку спрятать в карман.

– Ладно, чего они хотят? – прикурив, он выпустил из ноздрей дым и подмигнул Барелли.

Лицо адвоката осталось абсолютно бесстрастным. Открыв дипломат, он вынул из него папку и зашелестел бумагами.

– Налоговое ведомство имеет сведения, что в вашем казино «Горбатый бык» постоянно скрывали действительную сумму доходов, – держа очки, как лорнет, Барелли пробежал глазами по подчеркнутым синим фломастером строкам.

– Короче, – сложив руки на животе, просипел Менза. – Говорите, чего они хотят?

– Один из свидетелей дал показания, что в казино вложено не менее двухсот тысяч, из которых лично ваших всего десять, а остальные якобы принадлежат отцам темного бизнеса.

– Шакал! – не выдержал подследственный. – Он назвал имена?!

– Об этом запрещено, – вынув изо рта сигарету, сообщил тюремщик.

– Совершенно с вами согласен, – ласково заулыбался Барелли, поправив узел модного галстука и не уточнив, к кому именно обращены его слова. – Теперь юстиция полагает, что «грязные» деньги, полученные на проституции и торговле наркотиками, «отстирывались» в вашем казино.

Менза зажал в зубах фильтр сигареты и оперся руками о скамью. Помолчав, словно переваривая услышанное, он глухо спросил:

– Они хотят судить меня как «прачку»?

– Видимо, дело идет к изменению пунктов обвинения, – складывая бумаги, вздохнул адвокат, – но пока оно прежнее: сокрытие дохода, скупка краденого и сопротивление полиции.

– Что я скупал краденые автомобили, им доказать не удастся, – подзащитный выплюнул окурок на пол и растер его ногой. – Нет, не удастся. А фараонам, когда они ко мне заявились, следовало сразу представиться, а не корчить из себя... В конце концов, я согласен возместить им ущерб. Так и передайте, когда будете в полиции.

– Обязательно, – пряча в замшевый футляр очки, заверил адвокат. – Я уже подготовил необходимые документы и счета фирм, где вы закупали автодетали. Полагаю, что по этому пункту обвинение ничего серьезного противопоставить нашим аргументам не сможет. Не хотелось бы вас огорчать...

– Что еще? – набычился Менза.

– В освобождении вас под залог мне вновь отказано, – глядя в темные, чуть раскосые глаза клиента, медленно сказал Барелли.

– Жаль, – протянул Акбар. – Но чего же они хотят?

– Компетентные лица уполномочили меня сделать вам предложение дать правдивые показания о «стирке» денег.

– Вот как? – Менза начал преувеличенно внимательно рассматривать ногти на руках. – И чего они хотят?

– Показания, а взамен вам...

– Мне ничего не известно по этому поводу, – быстро перебил подследственный адвоката. – Казино открыто на деньги, принадлежащие моей семье. Все?

– На сегодня – да. – Барелли встал и вынул из дипломата несколько блоков американских сигарет. – Господин начальник тюрьмы разрешил передать это моему клиенту.

Тюремщик подошел, подержал каждый блок в руках, словно взвешивая, потом проверил целостность упаковки и молча подвинул их к подследственному. Тот небрежно сунул сигареты под мышку и пошел к решетчатой двери, ведущей во внутренние коридоры тюрьмы. У порога он оглянулся:

– Всего доброго, господин Барелли. Передайте поклоны моей семье. Брат справляется с делами?

– Ему помогает Бэрх, – защелкивая замочки дипломата, откликнулся адвокат.

– Я рад. Передайте и ему привет. Жду вас в среду.

Прежде чем Менза успел перешагнуть порог и скрыться в глубине мрачного тюремного коридора, Барелли окликнул его:

– Подождите! Ваш отказ от дачи показаний окончателен? Может быть, стоит хорошенько подумать, прежде чем отталкивать протянутую руку? Или вы уже все решили, господин Акбар?

– Да, – крикнул Менза. Лязгнула железная решетка двери, и адвокат удовлетворенно усмехнулся.

Дождавшись, пока стихнут шаги подзащитного, он вышел через открывшуюся в противоположном конце комнаты свиданий дверь и, весело насвистывая, пошел к выходу на улицу, где на стоянке жарился под солнцем его «Фольксваген»...

Палец человека, одетого в хорошо пошитый светлый костюм, нажал на кнопку видеоманитофона, останавливая запись. Сняв наушники, с помощью которых он контролировал уровень звука, человек в светлом костюме бросил их на стол перед офицером тюремной охраны:

– Спасибо, я доволен.

Офицер убрал наушники и поглядел на экран телевизора – комната свиданий была пуста. Но он знал, что это ненадолго: скоро туда приведут нового заключенного, которому разрешено свидание с адвокатом или родственниками.

– Вы довольны записью или их разговором? – подняв глаза на человека в светлом костюме, поинтересовался офицер.

– Всем сразу, – улыбнулся тот.

«Людей из его ведомства никогда не поймешь, – подумал офицер тюремной охраны, – вечно крутят хвостом, как лошадь, отгоняющая оводов». Решив больше ни о чем не спрашивать, он предложил человеку в светлом костюме сигарету.

– Нужный нам этаж тоже под техникой? – прикуривая, поинтересовался тот.

– Да, – односложно ответил офицер.

– Прекрасно, – снова улыбнулся человек в светлом костюме и вынул из видеоманитофона кассету с записью свидания Мензы и адвоката Барелли. Положив ее в кейс, захлопнул крышку и покрутил колесико цифрового замка, устанавливая шифр.

– Привет, – игривым жестом руки он попрощался с офицером тюремной охраны и вышел из кабинета.

«Слава Аллаху, наконец-то ушел», – с облегчением вздохнул офицер, наблюдая на экране телевизора, как в комнату свиданий входит одетая в темное женщина и устраивается за столом в ожидании появления того, с кем ей разрешили повидаться. Сверившись со списком, офицер поставил синим карандашом галочку напротив фамилии заключенного, получившего свидание, и пометил время начала записи. Включив аппаратуру, он закинул ноги на край стола и приложился к горлышку бутылки с пепси.

Мерно жужжал кондиционер, загоняя в комнату прохладу, толковали в комнате свиданий о каких-то малозначительных делах, рассказывая о неизвестном офицеру кривом Ахмете, неудачно продавшем верблюда на ярмарке, о дочери старосты, собирающейся выйти замуж за чиновника из близлежащего города, о дальних и ближних родственниках и видах на урожай. Обычная рутина, когда на свидание приходят деревенские жители.

Лениво поглядывая на экран телевизора, по которому время от времени пробегали полосы помех, офицер тюремной охраны подумал, что армейские почему-то всегда недолюбливают полицию, а уж тюремщиков в особенности. Впрочем, полицейские и тюремная охрана отвечают им тем же. Однако, когда имеешь дело с военной контрразведкой, надо прятать свою нелюбовь подальше, чтобы не заработать лишних неприятностей. Поэтому хорошо, что их человек ушел и оставил его одного – так спокойнее, слава Аллаху...

* * *

Камера Мензы располагалась на втором этаже старой центральной тюрьмы с глухим двором, похожим на колодец в пустыне. На нижних этажах, построенных еще во времена султанов, стены были толще и хорошо защищали от жары, окна камер выходили на высокую внутреннюю стену и на них не ставили наводящие тоску жестяные жалюзи, обычно закрывающие тюремные окна с внешней стороны. Непросвещенные султаны строили тюрьмы без удобств, и потому в конце каждого коридора располагался туалет, оборудованный значительно позже. Туда по очереди выводили заключенных на оправку, и надзиратели не любили дежурить на нижних этажах, предпочитая дежурства на верхних, достроенных уже во времена республики, проявившей заботу о санитарном состоянии мест заключения и предусмотревшей наличие унитаза в каждой камере.

Проходя по коридору к лестнице, ведущей на второй этаж, Менза немного замедлил шаги и подождал, пока надзиратель поравняется с ним. Молча он сунул ему в руки один блок сигарет. Надзиратель довольно осклабился и похлопал подследственного по плечу, выражая этим свою благодарность и давая понять, что при следующем свидании он вообще не откроет глаз, что бы ни делали сидящие друг напротив друга за длинным столом адвокат и его подзащитный.

Поднявшись по железной лестнице, ступени которой были отполированы сотнями ног до зеркального блеска, Менза остановился у решетки, закрывавшей вход в коридор его блока. Начальник поста охраны достал ключи, и решетка с лязгом отползла в сторону. Второй блок сигарет получил начальник поста охраны, оказавший честь заключенному лично проводить его до камеры.

Как только за Мензой захлопнулась тяжелая, сваренная из толстых прутьев дверь одиночки, он прошаркал к столу, прикрепленному к стене, и сел спиной к входу, обхватив голову руками. Потоптавшись немного в коридоре, начальник поста охраны ушел, не забыв подергать дверь камеры, чтобы проверить – хорошо ли он ее запер.

Едва стихли его шаги, Менза сунул руку в карман и вытянул полученную от адвоката Барелли пачку сигарет. Открыв ее, взял одну сигарету в рот, а другие разложил перед собой, предварительно тщательно ощупав каждую. Потом стянул с картонной коробочки целлофан и изучил его, разгладив ладонью и осмотрев каждый сантиметр. Ничего не обнаружив, Менза грубо выругался и, скомкав обертку, бросил ее на пол.

Теперь наступил черед картонной коробочки – осторожно раздрав ее на части, заключенный увидел тонкий листок папиросной бумаги, исписанный мелким убористым почерком.

Щелкнув зажигалкой, Менза прикурил и прочел записку. Некоторое время он сидел неподвижно, глубоко затягиваясь и напряженно раздумывая, потом поднес к записке огонек зажигалки. Тонкая бумага ярко вспыхнула и быстро сторела, оставив в его пальцах ломкую полоску серого пепла. Менза растер его и, брезгливо сморщившись, вытер пальцы носовым платком.

Он встал, походил из угла в угол камеры, бормоча ругательства, постоял у окна, выходящего во двор, и наконец услышал долгожданные звуки – по камерам начали разносить пищу.

В общую столовую Менза не ходил – ему разрешали покупать обеды в близлежащем ресторане. Конечно, это обходилось недешево, и он прекрасно понимал, что кормит не только

себя, но и дежуривших на этаже надзирателей, однако лучше переплачивать, чем мучиться от болей в желудке и без конца проситься на оправку.

Вскоре подошли к дверям его камеры, и надзиратель открыл замок. Молодой вертлявый уголовник внес судки и поставил их перед Мензой. Тот поманил его пальцем. Настороженно оглянувшись на дверь, уголовник наклонился.

– Кто сегодня дежурит на раздаче? – шепотом спросил Менза.

– Мою из десятой камеры.

– Пусть он после ужина будет в туалете на моем этаже.

Получив за хлопоты сигарету, уголовник угодливо поклонился и вышел.

– Приятного аппетита, – запирая дверь, буркнул дежурный надзиратель.

– Благодарю, – не оборачиваясь ответил Менза, снимая крышки с судков...

* * *

Более всего этот город нравился Филду с моря, когда корабль подходит к пристани и видишь, как выплывают навстречу тебе ажурные мосты, высокие шпили старых церквей, окруженные зеленью парков белые виллы, а солнце золотит воду спокойной бухты и отражается в окнах многоэтажных отелей и офисов. Пахнет рыбой, пряностями, набегают легкий ветерок, и все кажется осуществимым, простым и ясным, как в юности, когда ты еще молод, здоров, не испытал горечи неудач, не узнал разлук и не набил себе шишек, зарабатывая хлеб насущный в поте лица своего.

Кристофер улыбнулся и, облокотившись на поручни, прикрыл глаза, заставляя себя запомнить вид бухты и города, чтобы потом, когда захочется, вызвать их перед мысленным взором. Наверное, ему следовало бы жить здесь, а не в своем орлином гнезде, выстроенном среди скал на другом берегу моря. Этот город и бухта с лазурной водой, блестящей под солнцем, постоянно зовут и манят его к себе, и иногда просто нет сил противиться их зову. Поэтому, когда последовало предложение назначить встречу именно здесь, он даже обрадовался – еще одно свидание с городом юности, еще одна встреча, но не с человеком, а с бухтой, небом над ней, белыми виллами на берегу и старыми церквями...

Секретарь вынес из каюты чемодан – лайнер уже подошел к пристани и спустили трап. Сохраняя на лице довольную улыбку, Филд заторопился сойти на берег, подумав, что жить здесь он все равно бы не стал, – шумно, многолюдно, разноязыкая толпа туристов, днем и ночью шляющихся по улицам и щелкающих затворами фотоаппаратов, пронзительные голоса уличных торговцев, лавки турок, греков, албанцев, французов, негров, узкие улочки, мощенные каменными плитами, старые кабачки и люди, люди, люди. В его возрасте и с его прошлым лучше жить в уединении, под надежной охраной натренированных парней, готовых за деньги лезть хоть дьяволу в пасть, самому распорядиться на собственной территории и принимать кого и когда захочешь.

Если сколотил состояние на торговле оружием, то приходится побережться. Не так давно под колесами стокгольмской подземки погиб инспектор по военным материалам Карл-Фредерик Алгернон. Поневоле задумаешься – а не столкнули ли его туда умышленно? Алгернон был одной из главных фигур по расследованию дела о незаконных поставках шведским военным концерном «Бофорс» оружия на Средний Восток, и в частности в Иран. В связи с этим столичная газета «Свенска дагбладет» писала: существует ли связь между убийством Улафа Пальме и гибелью К.Ф. Алгернона? Ведь во время расследования дела «Бофорс» руководство концерна сообщило, что как Пальме, так и бывший инспектор по военным материалам, предшественник Алгернона, были прекрасно информированы о деятельности концерна.

Кристофер слишком хорошо знал цену случайностям – чего бы это вдруг инспектора занесло в метро? Нет, уж лучше сидеть на своей вилле в скалах.

Автомобиль подали прямо к трапу. Усевшись на заднее сиденье, Филд поправил складку на брюках и, чуть наклонившись к уху секретаря, устроившегося рядом с водителем, негромко сказал:

– Проедемся по городу. Я давно не бывал здесь.

Откинувшись на мягкую, обтянутую бордовой кожей спинку сиденья, он смотрел в окно, на проплывающие мимо дома, парки, толпы туристов – все почти так же, как во времена его юности, только сам он уже не тот, да, далеко не тот.

Секретарь, внимательно следивший за выражением лица шефа в зеркальце, заметил слабый жест руки и приказал шоферу:

– Остановите здесь, Бэн.

Филд вылез из машины и, задрвав голову, прислушался – в воздухе, напоенном ароматами моря и цветов, медленно плыл басовитый звук колокола – на звоннице зажатой между небоскребов церкви Троицы били к обедне.

– Я, пожалуй, зайду, – не оборачиваясь, бросил Филд секретарю. – Подождите меня здесь.

Прихрамывая больше обычного, он медленно пошел по каменным плитам тротуара к храму. Колокол бил гулко и печально, фигурка звонаря, всем телом налегавшего на веревки, казалась маленькой и не имеющей никакого отношения к величественным звукам.

«Как многое сумел создать человек, – толкнув дверь церкви, подумал Кристофер, – и как мало мы оставляем ему места среди им же созданного».

Филд любил бывать в храмах, хотя никогда не был верующим. Просто его привлекала возможность спокойно посидеть на скамье, сработанной неизвестным мастером из старого темного дерева, поразмышлять в тишине, уединившись там, где теперь бывает мало людей, а если они и приходят, то каждый погружен в общение со Всевышним, и никому ни до кого нет дела – все говорят с Богом. Как не ценить подобное одиночество среди людей, хотя оно и кратко-временно? В такие моменты рядом нет ни секретаря, ни жены, ни детей, ни внуков, ни партнеров по бизнесу, ни биржевых дельцов, ни еще черт знает кого, проходящего по твоей жизни мимолетной тенью, но крадущего время, силы и одиночество.

Придержав покрытое благородным налетом зеленоватой патины бронзовое кольцо двери, чтобы оно не стукнуло, нарушая тишину храма, Кристофер переступил порог и огляделся – длинные ряды скамей, тусклое золото алтаря, расписанный библейскими сюжетами высокий потолок. После яркого света улицы здесь кажется немного сумрачно и прохладно.

Служба уже началась. Впереди, ближе к алтарю, сидели на скамьях несколько пожилых мужчин и женщин, а в середине устроился представительный джентльмен с розовой лысиной, обрамленной аккуратно подстриженными седыми волосами, чуть выщипавшись на концах.

Подойдя к скамье, на которой устроился джентльмен, Кристофер уселся рядом, положив перед собой шляпу и перчатки. Лысый покосился на соседа и разлепил бледные губы:

– Здесь все говорят с Богом и никто не помешает поговорить нам с вами.

– Я слушаю, – прошелестел Филд.

– Нам нравятся ваши предложения по дальнейшему развитию демократии в известной стране. В случае удачи могу предложить вам пост вице-президента компании по разработке недр. Там весьма большие запасы полезных ископаемых.

– Понимаю, – заверил Филд.

– Подумайте, как выкручиваться в случае неудачи, – перекрестившись, шепнул лысый. – Она не должна быть связана с вашим именем и тем более с теми, кого я представляю. Иначе мы не сможем оказывать вам поддержку. Флот будет готов выйти к берегам известной страны в назначенное время.

– Я все сделаю, – чуть не задохнулся Филд, услышав о флоте. Нет, не зря он начал игру, не зря, если в нее готовы вступить столь могущественные силы.

– Финансовые круги, уполномочившие меня на переговоры, заинтересованы только в удаче! – многозначительно произнес джентльмен, поднимаясь со скамьи. – Задержитесь здесь немного. Желаю вам приятного одиночества.

Чуть кивнув на прощание, он тихо пошел к выходу. Кристофер не решился проводить его даже взглядом – он уставился на свои руки с набухшими венами, лежавшие на коленях. Сколько же он не спал? Почти двое суток. Теперь это для него тяжело, не то что в молодости, но зато какими семимильными шагами двинулось вперед дело! Присвоенный им замысел Хона получил одобрение сильных мира сего.

Вдруг вспомнилось, как он нашел Джеймса, – один из добрых приятелей, преподававших в университете, рассказал ему о студенте, весьма необычно проявившем себя на психологическом тестировании. Тогда увлекались тестированием по всякому поводу и без повода, считая его чуть ли не универсальным средством. И вот, в предложенном студентам тесте необходимо было сгруппировать по отдельности названия экзотических птиц и животных, а у студента Хона в одной группе неожиданно оказались соловей и бегемот! На недоуменный вопрос преподавателя Джеймс ответил, что можно подойти к группировке по иным признакам, поскольку они жестко не запрограммированы, а только подразумеваются. Тогда эти слова должны быть в одной группе, поскольку в каждом из них по семь букв. Потом заинтересовавший преподавателя студент объединил в одну группу ложку и шкаф, объяснив, что оба эти предмета являются емкостями, только разного рода...

Приятель рассказывал о студенте со смехом, но Филд насторожился и осторожно навел справки – его натренированный мозг профессионального разведчика и дельца сразу уловил неадекватность решений, предложенных студентом. Черт с ними, с университетскими профессорами – у них свое мнение, а у него свое, и если парень не псих, то к нему следует приглядеться повнимательнее. И Филд пригляделся...

– Подайте на нужды храма.

Кристофер поднял голову – рядом стоял мальчик-служка, держа в руках кружку для пожертвований. Мальчик был бледненький, бедно одетый, стриженный в кружок.

Филд достал бумажник и, немного поколебавшись, вынул из него десятидолларовую купюру. Сложив ее вчетверо, пропихнул в щель кружки.

– Да вознаградит вас Господь, – чуть не в пояс поклонился ему служка.

«Это было бы действительно неплохо», – подумал Кристофер, выходя на улицу, к терпеливо ожидавшему его автомобилю...

* * *

Днем ночные кварталы погружены в сон, особенно если время обеда еще не наступило. После полудня раздается шум грузовиков, завозящих продукты в бары, казино и рестораны, звенят бутылки в ящиках, включают плиты на кухнях, протираются салфетками стаканы и рюмки, покрываются чистые скатерти на столы, просыпаются уставшие за ночь проститутки и лениво переговариваются с товарками, привычно произнося портовые ругательства ненакрашенными губами и перебирая свой нехитрый гардероб, чтобы выбрать платье, в котором они с наступлением сумерек выйдут на охоту за клиентами. Дремотно, жарко, пыльно, только пробежит, поджав хвост, бродячая собака или пропылит тележка зеленщика, торопящегося домой на стареньком мотороллере.

После обеда приходят официанты, бармены и, последними, появляются помятые, не успевшие отоспаться крупье – скоро им предстоит бегать из кухни в зал и обратно, отмерять в рюмки и стаканы спиртное, подавать горячие блюда и прохладительные напитки, запускать рулетку и сгребать лопаточкой жетоны с игорного стола. Успевшие промочить горло, перекусить и переругаться между собой проститутки садятся перед зеркалами, умело нанося на лицо

румяна и подводя глаза; вздыхая всовывают отекающие ноги в тесные туфли бандерши публичных домов, скрывающихся под вывесками секс-баров и ресторанов; крупье натягивают пропотевшие под мышками фраки и припудривают мешки под воспаленными глазами, а хозяйка заведения или их управляющие обходят свои владения, проверяя, все ли готово к приему гостей, – скоро наступит время сиреневых сумерек, зажгутся огни реклам и начнется очередная ночь работы: зазвенят бокалы, солидно будут вещать за игорными столами крупье: «Ставок больше нет», загремит музыка, закружатся танцовщицы, диск-жокеи в дансингах сменят одну пластинку на другую, смешаются в единый многоголосый шум хриплый смех продажных женщин, клятвы в вечной любви, проклятия, пьяное бормотание и слезливые жалобы проигравшихся в пух и прах. Начнется ночь легкой любви, азарта, пропитых денег, проигранных состояний, жестоких драк, горячечной торопливости наслаждений...

Управляющий казино «Горбатый бык» Бэрх подписал счета и отпустил помощника. Взяв бумаги, тот хотел уйти, но в этот момент дверь распахнулась и в кабинет вошли двое крепких парней с юркими глазами.

– В чем дело? – недовольно поднял голову Бэрх.

– Поговорим без свидетелей, – садясь в кресло у стола и небрежно закидывая ногу на ногу, бросил один из парней.

– Давай проваливай, – подтолкнул к выходу помощника управляющего второй незванный гость. Тот, испуганно оглядываясь на Бэрха, выскользнул за дверь.

– В чем дело? – повторил Бэрх, мучительно сожалея, что он безоружен: его любимая «беретта» осталась на полке платяного шкафа. Подписав счета, он намеревался подняться к себе, переодеться и спуститься вниз, чтобы пообедать и проверить, все ли готово к приему гостей, а тут вдруг появились эти. Дьявол бы их побрал! Когда работаешь в ночных кварталах, никогда нельзя давать себя застигнуть врасплох. Кто тут только не шляется, начиная с полиции и кончая мелкими уголовниками, рысцущими в надежде поживиться. Однако на полицейских незванные гости не похожи.

– Я же сказал, надо поговорить, – устроившийся в кресле нахально открыл стоявшую перед Бэрхом шкатулку и взял из нее сигарету.

Бычья шея Бэрха побагровела, а тяжелые кулаки сами собой сжались – пусть он безоружен, но тем не менее сейчас покажет наглецам, с кем они имеют дело.

– Не нервничай! – прикрикнул стоявший у дверей, но Бэрх не обратил на предупреждение никакого внимания.

– Пошли вон! – заревел он, поднимаясь из-за стола. – Не то я выкину вас за шиворот, как блудливых котят!

– Спокойнее, – направив на управляющего револьвер, приказал сидевший у стола.

Покосившись на ствол, Бэрх плюхнулся на стул, чувствуя, как потекли по шее и дальше, по хребту, капли холодного пота – влип! Догадается ли помощник позвать вышибалу – испанца Санчо?

– Не делай резких движений, – предупредил сидевший у стола, – у моей игрушки легкий спуск.

– Нам нужны отчеты, – отходя от двери, сказал второй. – Только не липовые, а настоящие. Отцы хотят знать, сколько вы украли у них со своим хозяином. Ты понял?

– Понял, – буркнул Бэрх. Дело, похоже, обойдется без кровопролития, но зато приобретает более серьезный оборот, чем при тривиальном грабеже: с отцами мафии, прибравшими к рукам город, шутки плохи. Тут и оставленная наверху «беретта» не поможет. Надо как-то выкручиваться.

– У меня их нет, – тоскливо глядя на мигающие цифры электронных часов на стене, промямлил он. – Все у хозяина, а где он парится, вам должно быть известно.

– Известно, – подтвердил сидевший у стола. – Но отцы не могут ждать, пока твой вонючий китаец отмотает срок. Бизнес есть бизнес.

– Но у меня их нет! – в отчаянии простонал Бэрх. – Где я их возьму, если у меня нет?!

– Врешь! – второй шагнул вперед и ударил Бэрха по зубам. Голова управляющего дернулась, из разбитой губы закапала кровь, пачкая белую, накрахмаленную рубашку. О, как бы он ответил ударом на удар этому хлыщу, не будь за его спиной могущественных отцов темного бизнеса! Но если сейчас разоружить и отделать двух молодчиков, то следом, возможно сегодня же, появятся другие и тогда разговор пойдет уже иной. Могут разгромить и поджечь казино, а то и самого подвешат над мангалом и начнут прижаривать пятки. А куда деваться? Слиннешь, никто не помилует – ни хозяин, ни полиция, ни отцы темного бизнеса. Для всех ты станешь изгоем и предателем.

– Зачем мне обманывать? – прижав руки к груди, заскулил Бэрх.

– Смотри, – пригрозил сидевший у стола, – мы все проверим. Отцы добьются, чтобы твоего китайца выпустили под залог, и тогда...

Распахнулась дверь и в кабинет вошел улыбающийся адвокат Барелли. Увидев кровь на губе Бэрха и двух незнакомых парней, он сунул руку под пиджак, нащупывая рукоять оружия.

– Что тут происходит?

– А-а, господин адвокат, – обернулся драчливый бандит и издевательски ухмыльнулся. – Ничего особенного, не извольте беспокоиться, мы уже уходим.

– Запомни, что тебе сказали, – поднялся с кресла второй, – придется все отдать с процентами, так и передай китайцу.

– Доброго здоровья, господин адвокат, – шутовски раскланялся ударивший Бэрха бандит, пропуская приятеля вперед.

Хлопнула дверь, глухо простучали по полу коридора каблуки, а через минуту под окнами прошумела отъехавшая машина.

– У тебя разбита губа, – сказал Барелли.

– Знаю, – мрачно откликнулся Бэрх.

Открыв ящик стола, он вытащил из него початую бутылку виски и, не предлагая гостю, запрокинул ее над широко открытым ртом. Отпив добрую половину, опустил бутылку и уставился на адвоката тяжелым взглядом.

– Ты его видел?

– Да, – прикуривая, ответил тот.

– Передал?

– Да. Нам что, пора сматываться? – стряхивая пепел прямо на пол, поинтересовался Барелли.

Бэрх снова глотнул из бутылки и, обтерев губы тыльной стороной ладони, проворчал:

– Поганое дело... Отцы пронюхали, что мы их водили за нос, и начали свое расследование.

– Это похуже юстиции и полиции вместе взятых, – нервно заходил по кабинету адвокат.

– Не мечись, – остановил его управляющий, – сейчас, если Мензу освободят под залог, за нас не дадут и ломаного гроша. Они вытряхнут из него все!

– Но ему нельзя оставаться в тюрьме, – оперся руками о край стола Барелли, глядя прямо в маленькие злые глазки Бэрха. – Там его тоже достанут. На деньги, которые у нас есть, можно сделать все, что угодно, понял? Главное, чтобы ты был готов за сутки до его освобождения. У тебя есть план города?

Управляющий молча вынул из ящика стола туристическую схему. Склонившись, адвокат провел над паутиной улочек горящей сигаретой, используя ее, как указку:

– Все надо точно рассчитать... Смотри, вот так его повезут, а тут будешь ждать ты!

На перекрестье улиц, указанное Барелли, упала капля крови из разбитой губы Бэрха. Он небрежно смахнул ее толстым пальцем.

– Нам сообщат?

– Да, – выпрямился адвокат, – я нашел наконец надежный канал связи с тюрьмой...

* * *

Тюрьму Бир «держал» Менза. Ни одно событие в ее стенах не могло пройти мимо него, будь то подпольная торговля всякой всячиной, добывание наркотиков, разбор споров, возникающих между различными группировками уголовников, или сбор податей в «черную кассу», поскольку все в тюрьме решали деньги – за них покупались различные блага, послабления режима и определялось, в зависимости от ранга заключенного в тюремной иерархии, право пользования лекарствами и передачами с воли. Деньги, драки, наркотики, прелюбодеяния, свобода передвижения внутри тюрьмы, назначение на различные должности, исполняемые заключенными, – типа уборщиков и разносчиков пищи – за всем этим незримой тенью стояла плотная фигура Мензы.

Тюрьму он прибрал к рукам практически сразу после вынужденного переселения из ночного квартала в одиночную камеру. Возражать ему не пытались – слишком серьезные силы стояли за спиной китайца, принявшего арабское имя. Пусть поддерживавшие его люди не сидели здесь, в провонявших потом, дешевым табаком, нечистотами и дезинфекцией камерах, но по их приказу, отданному на воле, некто мог специально сесть в тюрьму и удавить ослушника. Впрочем, это могли сделать и по приказу Мензы – за сигареты, жратву, спиртное, наркотики, за право верховодить в камере или на галерее этажа тюремного блока. Недаром же сам господин начальник тюрьмы время от времени навещался в камеру сидящего под следствием владельца казино, двух авторемонтных предприятий и транспортной конторы или вызывал его к себе в кабинет, где угощал чашечкой хорошего кофе, – сегодня Менза, то есть господин Фарид Акбар, сидит в тюрьме. А завтра? Кто знает, будущее ведает только Аллах, и оно лишь в его воле...

Поэтому после ужина, тощий, похожий на нахохлившуюся птицу Моу, отбывавший срок за торговлю наркотиками и контрабанду, заторопился выполнить переданное ему приказание и уже с полчаса парился в туалете второго этажа. Парился в буквальном смысле – чтобы заключенные не засиживались на унитазах, в тюремных туалетах на всю мощь работали калориферы парового отопления, создавая почти непереносимую жару. Сняв одежду и оставшись в одних грязных плавках, Моу пристроился поближе к вентиляционному отверстию и терпеливо ждал, обливаясь потом. Ослушаться полученного приказа-приглашения он не решился, хотя по тюрьме уже полз шепоток, что счастливая звезда китайца меркнет и готова закатиться, но пока Менза еще в силе и здоров, как рыба, а Моу страстно желал для себя того же.

Вскоре его терпение было вознаграждено – хлопнула разболтанная дверь и появился хмурый Менза. Спустив брюки, он взгромоздился на унитаз и дал пристроившемуся рядом Моу сигарету:

– Что нового?

– Всякое болтают, – прикуривая, уклонился от прямого ответа уголовник. – Правда, что в парламенте опять хотели протянуть закон о принудительном использовании заключенных на работах?

– Дурак, – незлобиво усмехнулся китаец. – Хотели... Провалили этот закон. И так полно безработных.

– Плохо, – показал в улыбке гнилые зубы Моу. – Господа парламентарии не подумали о тех, кто сидит в тюрьге. Здесь и так мало развлечений, а они нас лишили еще одного.

– Слушай, – поманил его поближе к себе Менза, – благодаря мне ты шагаешь по всем блокам. Надо отработать. Завтра придет монах-католик, посещающий христиан. Тебе придется увидеться с ним и сделать так, чтобы он зашел ко мне.

Моу кивнул и преданно осклабился.

– И смотри, чтобы никто!..

Уголовник скорчил обиженную гримасу и остановил хотевшего надеть брюки китайца:

– Мне не хотелось огорчать вас...

– Что такое? – насторожился Менза, бросив взгляд на дверь.

– Ходят слухи, что вами недовольны на воле.

– Точнее, – прошипел Менза. – Что именно говорят?

– Говорят, что вы утаивали часть денег при «стирке», – решившись, выдохнул Моу.

«Проклятый адвокат, – мелькнуло в мозгу китайца, – хотя, при чем тут он? Здесь свои новости, а перекрыть все каналы связи с волей еще никому не удавалось. Значит, уже просочилось и сюда».

– Кто сказал? – жесткие пальцы Мензы ухватили скользкое от пота плечо Моу. – Кто?!

– Баглан, – морщась от боли, но не решаясь высвободиться, ответил тот.

– Ага, бывший главарь шайки вымогателей? – хищно ощерился Менза, к облегчению уголовного выпустив его плечо.

– Да, и еще он говорил, что вы больше не можете «держать» тюрьму.

«Значит, он знает точно, – подумал Менза. – Кто же продал меня на воле? Или, может быть, кого-то выпотрошили? Свои не юстиция, не помилуют, а если промедлю, удавят».

– Вот даже как, – китаец протянул Моу оставшиеся в пачке сигареты. – Бери. Ну, говори дальше, говори, я слушаю.

– Баглан хочет показать это всем, – зажав в кулаке сигареты, шепнул уголовник.

– Когда?

– Скорее всего, на прогулке.

Менза задумался, вытирая градом катившийся пот. Он уже пожалел, что сразу не разделся по примеру Моу, но теперь делать это уже поздно – и так насквозь мокрый, проще потом вымыться из кувшина в камере и сменить белье. К тому же, раздеваться сейчас – значит потерять время, а терпение начальника поста охраны тоже не безгранично.

– Плохо, – наконец выдавил он, – его выводят, когда гуляет больше чужих или новеньких. Вот падаль, нашел момент! На кого в его смене, выходящей на прогулку, я могу рассчитывать?

– Ну, несколько ваших людей, – протянул в раздумье Моу. – А еще?.. Есть там кое-кто, кому не нравится Баглан.

– Имена? – потребовал Менза. – Что они из себя представляют? И можно ли на них действительно положиться? Свара будет нешуточная.

– С ним выводят политических. Террористов, бывших военных, участвовавших в заговоре...

– Это когда было? – недоверчиво усмехнулся китаец. – Десяток лет прошло, неужели еще сидят?

– Да, – подтвердил уголовник, – сидят. Один ходит на и прогулку в смене Баглана. Говорят, бывший парашютист, офицер, приговорен пожизненно. Его многие знают, сильный человек.

– Заговорщик, – презрительно скривил губы китаец.

– Рассказывают, он состоял в подпольной организации армейских офицеров. Наверное, воображал себя новым Насером, да их кто-то вовремя предал. Есть и другие, из противников власти.

– А этот военный, – заинтересовался Менза, – почему же президент не помиловал его? Власть сменилась, и если он был против прежнего режима, то должен стать другом настоящим? Не знаешь?

– Нет, – отрицательно помотал головой Моу, – не знаю. Слышал, он мечтает узнать, кто предал организацию.

– Зачем? – удивился китаец, непослушными пальцами расстегивая на груди рубашку. Она намочена от пота, и пуговицы с трудом пролезали в петли. – Хочет мстить?

– Болтают, что он прекрасный стрелок, – беззвучно посмеялся уголовник. – Наши его не трогают, как и других пожизненно приговоренных. Вы же знаете, их принято уважать.

Менза кивнул – это ему хорошо известно: во всех тюрьмах с уважением относятся к тем, кто принужден провести в их стенах всю оставшуюся жизнь и будет потом покоиться на тюремном кладбище.

– Надо позаботиться, чтобы этот вояка и другие политики не остались в стороне, когда начнется заваруха. Не забудь!

Менза подтянул брюки и поплелся к выходу – невыносимая жара в туалете его доконала и хотелось глотнуть прохладного воздуха коридора, казавшегося чистым после туалетных запахов.

Возвращаясь в камеру, он думал о Бэрхе – его управляющий ловкий человек, способный на многое, и сейчас, как никогда, хозяин нуждался в его услугах и помощи. Моу сделает все, что ему велено, – в этом можно не сомневаться, а вот что произошло на воле? Отцы темного бизнеса нечто нащупали, ведя собственные бухгалтерские учеты, или им кто-то настучал на Мензу? Впрочем, не все ли равно теперь, когда им известно, что он утаивал часть дохода, обманывая не только налоговое ведомство, но и отцов, скрытно финансирующих его предприятия?

Конечно, нет сомнений, что сначала они попытаются точно выяснить – сколько Менза у них украл? И у тех и у других. Да, именно украл, нечего перед самим собой стесняться. Но на выяснение потребуется определенное время, расходы, организационная суэта – ничего не делается в единый миг. Барелли в записке сообщил, что те и другие силы подбираются к людям Мензы, начинают трясти их. Скоро доберутся и до брата, а тот слабак, не выдержит натиска, испугается, начнет разматываться, выбалтывая коммерческие тайны. Так, по частям, восстановят картину хищения: что-то узнают от брата, пусть он знает далеко не все, что-то расскажут другие, а толковым людям достаточно лишь намек, чтобы уцепиться. И следствие, начатое отцами темного бизнеса, не в пример страшнее, чем полицейское и судебное.

Когда установят сумму, то захотят получить ее обратно, соответственно, с процентами. И пока из него не вышибут деньги, можно надеяться на жизнь. Но кто знает, как начнут развиваться события? Ведь стоит только кому-то поджарить пятки, – а перед этим не остановятся, – как следствие, проводимое отцами темного бизнеса, быстро двинется вперед.

Деньги отдавать нельзя – в этом он абсолютно уверен. Пока они у него – он жив! Они являют собой хотя и слабую, но гарантию сохранения жизни, поскольку никто, кроме него, не знает, где они. С другой стороны, – что значат эти жалкие гроши для отцов темного бизнеса?

Отцы могут отдать приказ прибить Мензу в назидание другим. Первый сигнал уже есть – поползли слухи по тюрьме и Баглан хочет взять ее в свои руки. Сам хочет или ему подсказали сделать это?

Лучше всего, конечно, вырваться отсюда и исчезнуть вместе с деньгами. Но приходится ждать и надеяться, надеяться и ждать, как бы тяжело ни было оттого, что ты ничего не можешь предпринять, находясь взаперти.

Войдя в камеру, Менза начал ходить по ней из угла в угол, прикидывая в уме различные варианты, но сосредоточиться мешал надсадный вой. Где-то внизу, в подвальной камере, кричал подвешенный к потолку за браслеты, надетые на вывернутые назад руки, провинившийся уголовник.

Не выдержав, Менза повалился на койку и накрыл голову тощей подушкой...

* * *

Офицер тюремной охраны выключил запись и снял наушники – разговор подследственного Фарида Акбара с заключенным Мустафой Сайдом по кличке Моу, произошедший в туалете второго этажа четвертого блока тюрьмы, теперь на кассете.

Закурив, офицер сделал пометку в служебном блокноте, чтобы на вечернем совещании не забыть доложить господину начальнику тюрьмы о затеваемых уголовниками сведениях счетов. Откинувшись на спинку кресла, он подумал, что уголовникам мало своих дел, они пытаются впутать в них и политических. Впрочем, если призадуматься, то это неплохо – пусть намнут друг другу бока и повыбьют дурь из голов.

Долгий, животный вой наказанного уголовника, доносившийся из расположенного в подвале карцера, начал действовать дежурному офицеру на нервы – в конце концов, уже вечер и хочется немного расслабиться. Офицер встал и приоткрыл дверь:

– Сержант! Скажите, чтобы крикуну дали пару раз дубинкой по затылку. Пусть висит молча. Надоел!..

* * *

Ночью запись разговора Фарида Акбара и Мустафы Сайды прослушал человек в светлом костюме – копия записи была получена от начальника центральной тюрьмы. Когда отзвучали голоса заключенных, второй человек, присутствовавший при прослушивании, сказал:

– Пока все идет как запланировано. Завтра они устроят сведение счетов. Предупредите начальника тюрьмы, чтобы они не вмешивались в это дело до нашего распоряжения. Пусть ситуация развивается естественным путем.

Слушая его, человек в светлом костюме почтительно стоял и согласно кивал.

– Кстати, – прищелкнул пальцами говоривший, – вы уверены, что будет достигнут нужный результат?

– Абсолютно уверен, – чуть поклонился человек в светлом костюме, – потому что на прогулку должны вывести именно тех, кто нам нужен...

* * *

Вилла «Джулия», облюбованная Джеймсом Хоном для своей резиденции, располагалась в уютном пригороде – тихом, зеленом, удаленном от шумного центра, базаров и провонявшего рыбой порта.

Греди всегда завидовал способностям Хона и его умению везде устраиваться с удобствами – даже временное жилье тот умудрялся превратить в комфортабельные апартаменты. Приехав сюда работать в качестве представителя международного благотворительного фонда по развитию образования, Джеймс быстренько подыскал приличное гнездышко.

Сейчас, рассматривая обстановку библиотеки виллы в ожидании появления пригласившего его хозяина, Эдвин вновь думал о том, как же удастся Хону все так ловко и быстро устраивать? Прожил тут не более двух лет, а дом и сад выглядят так, словно здесь родилось и составилось не одно поколение Хонов, передавая друг другу по наследству не только деньги, но и склонность к комфорту и устоявшиеся привычки.

– Привет, – вошедший Джеймс протянул старому приятелю обе руки и увлек его к сервированному для чая столику.

Темнокожий слуга вкатил еще один столик, поднял туго накрахмаленную салфетку и, взяв стоявший под ней фарфоровый чайник, разлил ароматный напиток по чашкам. Эдвин попробовал – чай отдавал мятой и незнакомыми травами.

– Неплохо устроился, – дождавшись, пока выйдет слуга, сказал Греди, прикидывая, зачем он вдруг понадобился Хону. Что того побудило пригласить его на виллу? Виделись время от времени, обменивались ничего не значащими фразами, пару раз посидели в баре, вспоминая университет. Честно говоря, Эдвин ждал, что Джеймс, хорошо осведомленный о его близости к президенту, обратится с какими-нибудь просьбами или проектами, но Хон ни словом не обмолвился о делах. Может быть, он решил это сделать сейчас, так сказать, на своем поле?

– Стараюсь, – предлагая гостю печенье, улыбнулся Джеймс, и Греди подумал, что, может быть, он зря мучается раздумьями и во всем видит желание других получить выгоду. Вот, сидит напротив старый добрый приятель, с которым во времена юности выпита не одна бутылка и с которым не раз вместе ходили в дансинг. Стоит ли забивать себе голову? Не лучше ли просто поболтать с добрым стариной Хоном и отправиться восвояси?

– Как ты оцениваешь складывающуюся здесь обстановку, Эдвин? – неожиданно спросил Джеймс.

– В развитии или в настоящий момент? – попытался отшутиться Греди. – И что именно ты имеешь в виду: политическую ситуацию или...

– Все сразу, дорогой Эдвин, все сразу. Ты оказался дальновиднее меня и еще в университете завел тесную дружбу со скромным юношей, со временем сделавшим здесь головокружительную карьеру и занявшим президентский дворец. Не секрет, по крайней мере для меня, что ты его теневой советник, поэтому то, что скрыто от других, для тебя явно.

Греди ненадолго задумался – что именно интересует Хона и насколько можно с ним быть откровенным? Много воды утекло с тех пор, когда они вместе ходили на танцульки, а про Джеймса общие знакомые болтали разное, в том числе поговаривали, что он связан с тайными службами. Так это или нет, никто точно сказать не мог, но все же...

– Мои отношения с президентом не совсем таковы, как это представляется со стороны, – осторожно, словно пробуя перед собой готовую разверзнуться почву, начал Эдвин. – Однако... Если говорить об экономике, следует начать с нефтяного бума, приведшего к весьма одностороннему развитию промышленности, опирающейся преимущественно на нефтедобычу. Традиционные отрасли после этого пришли в некоторый упадок, зато укрепились позиции государственного капитала, а быстрое обогащение местных предпринимателей и земельных собственников позволило ускорить процесс ломки ряда феодальных наслоений. Но ты не сказал, отчего вдруг тебя так заинтересовало экономическое и политическое положение? Разве оно имеет непосредственное отношение к фонду, который ты представляешь?

– Фонд? – попыхивая сигарой, усмехнулся Хон. – Хорошо, но не слишком денежно, а я обожаю комфорт.

– Значит, у тебя есть еще одно занятие? – с интересом взглянул на приятеля Греди. Неужели правда, что болтали про Джеймса?

– Да, – выпустив струю синеватого дыма в потолок, спокойно ответил Хон. – Есть. Я оказываю услуги в качестве консультанта ряду компаний, имеющих собственные банки. Кстати, здесь тоже есть отток капитала?

– Преимущественно в банки Швейцарии и островов Карибского бассейна, где вкладчикам предоставляются наибольшие юридические и финансовые льготы, – вздохнул Греди. Какой-то странный у них разговор, словно Хон постоянно ходит вокруг чего-то, не решаясь взять быка за рога.

– Кроме того, местные промышленники вкладывают значительные средства в крупные финансовые, ипотечные и промышленные компании Штатов? Не так ли? И в то же время жаждут освободиться от них, заводя речь о «зависимом партнерстве»?

– Вот видишь, Джеймс, ты все знаешь не хуже меня, – облегченно рассмеялся Эдвин и чуть прищурился, поглядев на часы. – А может быть, даже лучше?

– Торопишься? – перехватив его взгляд, улыбнулся Хон. – Не спеши. Слышал новость? В Объединенных Арабских Эмиратах объявлено о банкротстве нескольких банков по причине финансовых неурядиц. Пострадали и крупные промышленники. А не так давно разразился скандал на бирже ценных бумаг в Кувейте: десятки тысяч держателей акций в мгновение стали нищими. И в Бахрейне на бирже курс нефтяных акций упал почти на семьдесят пунктов.

Джеймс встал и, неслышно ступая, прошелся по устилавшему пол библиотеки ковру. Остановившись сзади стула Греди, он оперся об его спинку руками и наклонился к уху Эдвина:

– Парламент обсуждал вопрос о резком сокращении ассигнований на ранее запланированные проекты. Понимаешь, что это значит?

Греди молча кивнул – ушлый Хон все-таки не зря завел разговор и сумел нащупать большое место. Но что ему на самом деле надо, что?! Не спасет же он его от призрака банкротства.

– Есть возможность не оставить семью без средств, – вкрадчиво прошелестел над ухом Греди голос Хона.

– Какой? – решив нырнуть в этот омут, откликнулся Эдвин.

– Пример клана Саудилов, правящих в Аравии. – Джеймс присел рядом с его стулом на корточки и снизу заглянул в лицо приятеля. – Через фигуру короля они сосредоточили в своих руках всю полноту законодательной, исполнительной и судебной власти, ибо, как известно, Саудовская Аравия – абсолютная монархия!

Греди скосил глаза вниз – Хон загадочно и маняще улыбался.

– Да, но они все же привлекают к управлению страной технократию, – вяло попытался возразить Эдвин.

– А-а, – небрежно махнул рукой Джеймс, – это лишь упрочивает узы, связывающие партнеров.

– Но здесь действует конституция. И потом...

– Вот именно, потом! Потом ее можно приостановить, ну, скажем, на некоторое время, как это обычно делали в Латинской Америке, или отменить совсем.

Хон выпрямился и победно посмотрел на Греди. Тот отвел глаза в сторону и сделал еще одну попытку сыграть в непонимание:

– Я пока не совсем, так сказать, о чем...

– Как «о чем»? – удивился Джеймс, бросив в пепельницу окурочек сигары. – О короле, диктаторе, если тебе больше нравится, императоре или «отце нации». В конце концов, о президенте с неограниченными полномочиями на неограниченный срок. Если такая фигура отыщется, а я полагаю, что она обязательно отыщется, и встанет у кормила власти, все вопросы отпадут.

– И... такая фигура уже есть? – после некоторой паузы тихо спросил Греди.

– Конечно, Эдвин!

– Ты можешь назвать мне этого человека? – Греди в упор взглянул в глаза Хона.

– Да. Это твой друг, президент!

– Бог мой! – вымученно улыбнулся Эдвин, но улыбка получилась кривой и жалкой. – Я никогда бы не подумал.

– Зато хорошо подумали те, чьи интересы я здесь представляю, – отрезал Хон. – Насчет своего патрона можешь не сомневаться – еще никто не отказывался от такой власти.

– А вдруг? – недоверчиво прищурился Греди.

– Зачем тогда здесь ты, его тайный советник и друг семьи? – развел в стороны длинные руки Хон и усмехнулся. – Я прекрасно осведомлен о твоих махинациях с земельными участками, как раз теми, на которых собирались строить, но парламент начал дебаты и, по всей

вероятности, не даст ассигнований. Не тушуйся, на мой взгляд, ты не совершил ничего предосудительного: бизнес есть бизнес. Правда, не дай бог, если об этом пронюхают газетчики.

«Надо понимать, это предупреждение и угроза!» – понял Эдвин. Действительно, если поднимется шум в газетах насчет спекуляций земельными участками, ему несдобровать.

– Это было бы ужасно, – вынужден был признать он.

– О прелестях неограниченной власти с твоим другом президентом могут поговорить и другие, – переходя на деловой тон, сказал Джеймс. – Кроме того, ему сразу же предложат кредиты, помощь и многое другое. Однако есть маленькое «но». Нужен повод! Ты близок к президенту, он верит тебе, поэтому я решился на откровенный разговор. Ведь мы с тобой тоже верим друг другу, не правда ли? Скажу без обиняков – есть план и неплохие умы поработали над ним. Ты сам сможешь убедиться.

Хон подошел к одной из полок, повернул ее и, достав ключ, открыл замаскированный сейф, вынув из него тонкую папку в жестких красных корочках. Любовно провел по ней ладонью, словно стирая несуществующий налет пыли:

– Здесь материалы, с которыми тебе стоит ознакомиться. Само собой разумеется, выносить их отсюда нельзя. Если мы достигли принципиального соглашения, то я распоряжусь проводить тебя в рабочий кабинет.

– Считаю, что достигли, – подтвердил Греди. Ему было интересно заглянуть внутрь папки: лучше знать больше, чем меньше. Пока здесь власть президента, весьма прислушивающегося к советам Эдвина, а не Хона. Будь что будет, но он прочтет материалы, подготовленные «неплохими умами».

Джеймс позвонил в маленький серебряный колокольчик, и через минуту в библиотеку вошел молодой человек в сером костюме.

– Лесли, – обратился к нему Хон. – Проводите, пожалуйста, мистера Греди туда, где он сможет часок-другой спокойно поработать.

Протянув поднышавшему из-за стола Эдвину красную папку, Хон похлопал приятеля по плечу, словно подбадривал:

– Читай, Эдвин. Потом мы с тобой еще поговорим...

* * *

Шагая следом за Лесли по коридору виллы, Эдвин подумал, что встреча с Хоном обернулась совершенно неожиданной стороной – воистину, экономика и политика тесно связаны.

Помимо его воли пальцы нервно теребили уголок красной папки – не терпится узнать, что там напридумывал Джеймс со своими людьми и хозяевами. «Вот куда он исчезал в конце прошлой недели, – понял Греди, – летал консультироваться со своими шефами».

Конечно, как только Хон появился здесь, надо было от него чего-либо ожидать, но не такого же поворота? Джеймс ушлый парень и зря ничего не делает. Может быть, стоит попробовать вступить с ним в альянс, пока это выгодно, а там станет видно, как быть дальше?

Но что же в красной папке? Что он сейчас прочтет и, если примет предложения Джеймса, как будут обстоять после этого дела его, Эдвина? Вдруг предлагаемое бывшим однокашником окажется только на пользу расстроенным финансам семьи Греди? Ведь не от хорошей жизни он пустился в аферы с земельными участками, о которых пронюхал вездесущий Хон.

Лесли подвел гостя к закрытой двери в конце коридора. Остановившись перед ней, достал из кармана брюк небольшую связку ключей и нагнулся к замку.

Греди поглядел на его аккуратно подстриженный затылок, потом, скучая в недолгом ожидании, повел глазами по облицовке стен, имитировавшей ореховое дерево, белому низкому потолку с матовыми плафонами, мельком оглядел себя в большом зеркале, висевшем в простенке.

Дверь комнаты напротив зеркала была неплотно прикрыта, и Эдвин, глядясь в зеркало, попытался увидеть, что делается за ней.

В глубине комнаты, на диване в стиле Людовиков, сидел плотный мужчина, положив крепкие руки на широко расставленные колени, туго обтянутые тканью брюки хорошо пошитого делового костюма. Аккуратный пробор в волосах, щеточка щегольских усиков под коротким носом, небольшие бакенбарды. Взгляд спокойный, ничего не выражающий, направленный прямо перед собой.

На загровке у мужчины выпирала жировая складка, совершенно не вязавшаяся с его прямой, напряженной спиной. Вся его поза и выражение лица очень напомнили Эдвину кого-то удивительно знакомого, но кого?..

– Прошу, – наконец справившись с замком, Лесли выпрямился и распахнул перед Греди дверь рабочей комнаты.

Пропустив его вперед, он вошел следом и включил свет. Рабочая комната оказалась без окон, с одним канцелярским столом и стулом. По стенам тянулись темные шкафы с множеством ящиков и ящичков.

– Здесь вы можете спокойно поработать, – предлагая Греди стул, улыбнулся Лесли. – Располагайтесь. Извините, но я буду вынужден вас закрыть. Когда закончите, нажмите кнопку вызова на краю стола.

– Хорошо, спасибо, – садясь к столу и кладя перед собой папку, откликнулся Эдвин.

Лесли, открыв один из ящиков шкафа, поставил перед ним пепельницу и, еще раз улыbnувшись, вышел. Приглушенно хлопнула закрывшаяся за ним дверь, проскрежетал ключ в замке, потом тихо загудела вентиляция, видимо, включенная снаружи заботливым Лесли, беспокойвшимся, как бы гость не задохнулся в табачном дыму, сидя в комнате без окон.

Эдвин прислушался – смолкли шаги Лесли и наступила тишина. Достав сигареты и зажигалку, Греди придвинул поближе полученную от Хона красную папку – надо начинать работать с документацией, но мешало подсознательное чувство неудовлетворенности от того, что никак не вспоминалось, где он видел сидевшего на диванчике мужчину с толстым загривком и неестественно прямой спиной. Что же такое, до жути знакомое, он уловил в его фигуре И лице за те секунды, когда рассматривал отражение в зеркале? Эдвин готов был поклясться собственным здоровьем и здоровьем детей, что этого человека он раньше уже встречал. Но где, черт бы его побрал!

Прикурился, Эдвин откинулся на спинку стула и, как в далеком детстве, принялся раскачиваться, упершись ладонями в край стола. Щурясь от дыма сигареты, он мысленно перебирал знакомых, приятелей, вспоминая даже случайные встречи, – не может такого быть, чтобы он, всегда гордившийся памятью на лица и события, не мог вспомнить.

Отгадка принесла облегчение, и Греди засмеялся, качая головой, – как он мог забыть прием в представительстве одной из компаний, когда после окончания университета пришлось некоторое время поработать в Панаме в качестве мелкого клерка. На приеме он познакомился с офицером не то перуанской, не то гондурасской армии – типичная «горилла»: пил не пьянея и при этом постоянно жаловался на больную печень. Вот на кого похож мельком виденный через зеркало толстяк – та же манера прямо держать спину, такая же складка на загровке.

Примяв в пепельнице окуроч, Эдвин взялся было за папку, но рука его замерла в воздухе – глупец, самонадеянный глупец! И ты еще посмел хвалиться памятью на лица и встречи?! Воспоминание о приеме в Панаме повлекло за собой воспоминание о приеме в президентском дворце, проведенном несколько лет назад для выпускников военной академии. Именно там он и видел того толстяка, сидевшего на диванчике с гнутыми ножками, только тогда толстяк был одет в военную форму.

Ну вот, все вспомнилось. Как же зовут этого военного, дай бог памяти, которой он так опрометчиво похвалился? Кажется, он был в чине полковника? Греди всегда равнодушно отно-

сился к военным и в глубине души считал их весьма недалекими людьми, с ограниченным умом и неразвитым интеллектом, забитым муштрой и казармой.

– Полковник Колар! – хлопнув себя ладонью по лбу, усмехнулся он и наконец открыл красную папку...

* * *

Поздним вечером Греди приехал в президентский дворец. Оставив машину у служебного подъезда, предъявил часовому пропуск и прошел внутрь здания.

Президент еще работал в своем кабинете. Попросив секретаря доложить о его приходе, Эдвин начал нервно вышагивать по приемной.

– Как всегда в делах?

Греди обернулся – в дверях стоял начальник личной охраны президента, даже здесь не снимающий темных очков. Его привычка постоянно прятать глаза за дымчатыми стеклами раздражала советника, но он сдержался и молча развел руками, как бы говоря: что поделать?

Начальник личной охраны прошел в приемную и присел в кресло, аккуратно подпернув брюки. Греди казалось, что он пристально следит за ним, пользуясь тем, что глаза скрыты очками. Ну и черт с ним, пусть смотрит.

Секретарь открыл дверь кабинета и пригласил Греди.

– Что так поздно? – поднялся ему навстречу президент из-за рабочего стола, заваленного бумагами.

– Прошу извинить, но возникло дело, не терпящее отлагательства, – пожимая руку главы правительства, сказал Эдвин.

– Плохие вести? – президент задержал его руку в своей.

– Пожалуй, наоборот, – протянул Эдвин. – Надо поговорить с глазу на глаз.

– Хорошо, – президент нажал клавишу переговорного устройства и приказал секретарю: – Постарайтесь, чтобы нас не беспокоили...

* * *

В этот же час адвокат Барелли подъехал к своему дому и привычно вырулил к стоянке, выискивая место, где припарковаться.

Увидев подходящую щель между серебристой «тойотой» и стареньким «фордом», Барелли втиснул в нее «фольксваген» и вышел. Когда он запирает дверцу, сзади неожиданно раздался голос:

– Барелли?

Рука адвоката метнулась к висевшей под мышкой кобуре револьвера, но его тут же одернули:

– Не суетитесь!

Чуть повернув голову, адвокат увидел, что с ним говорит человек в светлом костюме, сидящий в «тойоте». Видимо, специально оставили только это место для стоянки, поджидая возвращения Барелли. Скорее всего, сотрудник военной контрразведки, так любивший носить светлые костюмы, откинул назад сиденье и лежал до появления адвоката, а теперь поднялся и опустил стекло.

– Вы что, не узнали меня?

– Узнал, – немного успокоившись, буркнул адвокат.

– Все сделали? – в темноте салона «тойоты» вспыхнул огонек зажигалки и потянуло табачным дымом.

– Да... Когда я получу новые документы и разрешение покинуть страну?

– Вам поверили? – продолжал допытываться контрразведчик.

– Да, да, – с трудом развернувшись в тесном пространстве между близко стоявшими машинами, адвокат наконец-то получил возможность встать лицом к собеседнику. – Но вы не ответили на мой вопрос.

– Получите, – недовольно проскрипел человек в светлом костюме.

– Вы мне уже столько раз обещали! – не выдержал адвокат. – Когда я получу, когда?

– Когда все будет сделано, – отрезал контрразведчик и включил мотор.

Барелли торопливо выбрался на тротуар и «Тойота», мигнув красными огоньками стоп-сигналов, унеслась прочь по пустынной улице.

– Будь ты проклят! – плюнул ей вслед адвокат, давая выход своим чувствам и поплелся к подъезду...

* * *

Ночью Менза спал плохо – его преследовал кошмарный сон: будто он выходит из квартиры на плохо освещенную лестничную площадку и направляется к лифту, но тот занят, а сверху, по лестнице, спускается некто в темном, и лица его не разглядеть. Наконец подходит лифт, Менза бросается к нему, открываются двери кабины и тут некто в черном поднимает руку с пистолетом и стреляет. Менза видит во сне, как летит в него остроносая пуля, и не может увернуться от приближающейся смерти, а пуля ударяет прямо в грудь, туда, где сердце...

Проснувшись, он долго лежал в темноте, прислушиваясь к собственным ощущениям – болело в левой стороне груди, словно туда и впрямь всадили кусок свинца, сердце билось редкими, болезненными толчками, а во рту ворочался высохший, шершавый язык. Наконец отпустило немного и на лбу выступила испарина слабости. Повернувшись на бок, Менза отругал себя последними словами – чего распускаешь нервы, они еще пригодятся!

Утро пришло с обычными тюремными звуками – стуком отпираемых и запираемых решеток, шагами охраны, гулко разносящимися по пустым коридорам, переключкой часовых и выводом на opravку. Позавтракав, Менза закурил и стал с нетерпением ждать появления монаха – ведь Моу обещал сделать все, чтобы тот не миновал камеры подследственного Фариды Акбара. Любой из заключенных мог позвать к себе монаха, и звали, поскольку его посещение было одним из развлечений в серых, похожих один на другой, тюремных буднях.

Моу не подвел – часов в десять появился монах – загорелый, лысоватый, лет тридцати, с водянистыми голубыми глазами.

– Сын мой нуждается в слове Божьем? – ласково глядя на Мензу, спросил он, дождавшись, пока уйдет сопровождавший его охранник.

Подследственный желчно усмехнулся – он явно старше монаха, привычно именовавшего его сыном. Но тут же спрятал усмешку:

– Есть ли у вас такие слова, святой отец, особенно для человека, придерживающегося иной веры?

– Все на земле принадлежит единому Богу, и суть не в том, какие обряды совершает человек при жизни, – присаживаясь, спокойно ответил монах. – Мне известно, что ты принял арабское имя и магометанство, но разве не сказал ваш пророк, что и христиане попадут в рай, если их тела омоют после смерти и похоронят согласно обряду? Мой Бог милосерден еще более Магомета.

– Хорошо, – поглаживая рукой подбородок, одобрил Менза. Святой отец ему понравился: ловок в словах, не глуп, многое понимает с полупамятки. – Что ты можешь сказать мне?

– Сильные люди не нуждаются в словах утешения, – тонко улыбнулся католик. – Скорее, они ждут услуг. Зато святая римская церковь нуждается в средствах.

– Понимаю, понимаю, – полуприкрыв глаза, покивал подследственный, радуясь тому, что не ошибся в монахе. – Можешь не беспокоиться, все, что нужно...

– Сто туда и сто обратно, – мягко сказал монах.

Менза открыл рот от удивления – ну и ставки у святого отца! Но выбирать не приходится: этот канал связи вряд ли высчитают те, кто начал свое расследование его деятельности, проводимое вне зависимости от юстиции.

– Хорошо, – чуть поморщившись, согласился он. – Все будет именно так. Скажешь тому, к кому придешь, что я велел дать. Теперь говори.

– Меня заранее просили встретиться с твоим человеком, – понизил голос монах, оглянувшись на решетчатую дверь камеры, – я видел его.

– Такой мясистый, со шрамом на щеке? – прищурился Менза.

Монах прикрыл глаза и сложил руки на животе, показывая, что он не намерен зря терять время, выслушивая разные глупости, пусть даже за деньги.

– Нет, – покрутил он головой, – я видел именно того, кого ты хотел. Не стоит меня проверять примитивными способами. Я зря денег не беру, запомни. Твой человек, которого я видел, кудрявый, с бычьей шеей, любит грызть ногти и ездит на светлой машине. Ты доволен?

Менза кивнул – сомнений нет, католик видел именно Бэрха.

– Что он передал мне?

– Твои друзья хлопочут об освобождении под залог. Им не терпится расспросить о деньгах, но твой человек уже сплел веревку.

– Он так и сказал? – насторожился Менза. – Сплел веревку?

– Да, – удивленно поднял брови монах, не понимая, что так взволновало китайца. Наверное, это условная фраза на жаргоне ночных кварталов? – Сегодня я снова увижусь с ним. Что ты еще хочешь передать ему, кроме указания заплатить мне?

– Скажи, что веревка должна быть длинной и прочной. Я хочу оказаться на воле раньше, чем этого добьются мои друзья. Пусть думает об этом день и ночь. И еще скажи, что расспрашивать будут не только меня.

– Ладно, – вздохнув, монах встал и, чуть наклонившись к подследственному, шепнул, – я все передам, но вы что-то затеваете, а мой сан не позволяет участвовать в этом. Не волнуйся, я буду нем, но пусть твой человек теперь сам дает тебе обо всем знать, помимо меня. Прощай!

Шлепая по полу разношенными сандалиями, надетыми на босу ногу, он подошел к решетке и постучал, вызывая надзирателя. Менза подскочил к монаху, схватил его за руку и повернул лицом к себе:

– Передай, пусть приготовит склады и за это получишь еще сто долларов.

– Я передам, – мягко высвободился католик, видя, что к решетчатой двери камеры приближается тюремщик.

После ухода монаха Менза сел к столу и, закурив, уставился невидящими глазами в пространство – в том, что отцам мафии удастся добиться его освобождения под залог, нет сомнений. Начинается бег наперегонки со смертью. Кто успеет раньше – он с Бэрхом или отцы темного бизнеса? Как только Менза, освобожденный под залог, окажется за порогом тюрьмы, каждый его шаг будет точно известен отцам и, в первый же вечер свободы или, самое позднее, на следующий день, его наверняка «пригласят» на «товарищеский ужин», где начнут «расспрашивать». Сбежать не удастся – просто не дадут, – а после расспросов конец один. Значит, он приговорен? Приговорен теми, кому помогал «отстирывать» деньги? Что же делать?

Пожилой уголовник, до самых глаз заросший седой щетиной, принес обед и, простужено сипя, сказал:

– Вас, говорят, скоро выпустят под залог? Не сегодня, так завтра?

И пошел прочь. Менза затравленно поглядел ему вслед и почти не притронулся к пище.

Вскоре за ним пришли, чтобы вывести на прогулку. Выйдя во двор, он сначала прикрыл глаза от яркого света, а когда открыл их, первое, что увидел, была наглая ухмылка Баглана – бывшего главаря шайки вымогателей, стоявшего неподалеку от тюремной стены, огораживающей глухой двор-колодец...

* * *

Любезно распрощавшись с выпустившим его на улицу офицером тюремной охраны, монах не спеша направился вдоль стены, шепча себе под нос молитвы. Дойдя до угла, он повернул и подошел к светлой «тойоте», за рулем которой сидел человек в костюме под цвет машины.

По-хозяйски открыв дверцу, монах расположился на заднем сиденье, и «тойота» сорвалась с места.

– Они действительно готовы, – закуривая, сообщил монах.

– Когда его будут переводить, сообщат адвокату, – откликнулся сидевший за рулем.

– Он просил приготовить склады, – стряхивая пепел, добавил монах.

– Спасибо, капитан, – поймав в зеркальце отражение лица лжемонаха, водитель подмигнул ему. – Куда вас подбросить?

– К заведению Мензы «Горбатый бык». Лучше всего, если высадите там, где начинаются ночные кварталы. Надо же передать распоряжения хозяина Бэрху? – усмехнулся «святой отец»...

* * *

Секретарь министерства внутренних дел – еще довольно молодой человек в подчеркнуто модном и дорогом штатском костюме – встретил сотрудника контрразведки, разъезжавшего на «тойоте», предельно любезно. Расточая сладкие улыбки и поминутно кивая в знак согласия с каждым замечанием гостя, он усадил его в кресло около небольшого столика и устроился напротив, положив перед собой папки с материалами дел.

Относительно любезностей секретаря контрразведчик не обольщался. Свою карьеру сидевший напротив него полицейский начал в одном из портовых городов, работая в бригаде криминальной полиции по борьбе с подпольным игорным бизнесом. Довольно скоро на него обратили внимание работники специальных служб – молодой криминальный полицейский несомненно обладал рядом достоинств: был скрытен, нечист на руку, не брезговал подношениями, легко завязывал контакты, отличался умом и изворотливостью, в меру проявлял смелость и не останавливался перед тем, чтобы начисто «выпотрошить» нужного ему человека любыми методами, заставив того, смотря по обстоятельствам, либо говорить, либо молчать.

И еще он был весьма жесток. Люди из спецслужб вошли с ним в контакт и помогли продвинуться по ступеням лестницы, ведущей наверх, в кабинеты министерства. Выбор оказался удачным – молодой полицейский не забыл оказанной ему услуги и старался выполнять поручения чисто и без лишних вопросов, всегда находя самые оптимальные варианты решения поставленной перед ним задачи и стремясь остаться в стороне от происходящего. Это было как раз то, что сейчас нужно.

– Как успехи? – расстегивая пиджак, спросил контрразведчик.

– Неплохо, – секретарь одарил гостя очередной улыбкой. – По роду службы мне приходится самому вести некоторые дела и поэтому удалось подобрать для вас нужные кандидатуры.

– Люди подходящие? – Гость налил из сифона стакан воды и жадно выпил: на улице жара, день и ночь приходится мотаться, поневоле запаришься.

– Несомненно.

– Важно, чтобы не произошло срыва и ситуация развивалась, как запланировано. Боюсь, могут возникнуть досадные неожиданности.

– Неожиданности могут возникнуть всегда и везде, – ответил секретарь. – Особенно, если акция плохо подготовлена. Но в данном случае, несмотря на недостаток времени, связанный с вашей просьбой о сокращении сроков подготовки операции, срывов быть не может. Я готовил другую операцию, в которой задействован мой человек, а теперь включаю его в вашу работу. По счастливому стечению обстоятельств он как раз находится в той тюрьме, где отбывают сроки подобранные для вас кандидатуры. Мой человек будет работать «втемную», жестко выполнять полученные инструкции, и все пойдет как по маслу, поверьте.

– Ваш осведомитель сделает то, что ему приказали, – рассматривая носки своих туфель, усмехнулся контрразведчик. – А остальные? Они не разбегутся?

– Не волнуйтесь, – успокоил гостя полицейский, – наш осведомитель опытен в своем деле и потянет за собой остальных, свяжет их по рукам и ногам, не оставив возможности выйти из игры. Кроме того, предприняты меры, чтобы постоянно держать их всех под наблюдением. Я контролирую перемещения и переговоры в тюрьме и, так сказать, вижу будущих участников акции изнутри и снаружи.

Слушая, гость подумал, что в случае успеха предприятия придется быстренько решить судьбу этого толкового малого – если начальство сочтет, что он еще понадобится, то двинут выше, а если нет, то...

– Ладно, будем надеяться, что они не сорвутся с крючка, – пробурчал он, доставая сигареты. С ними как-то легче переносить нервное напряжение, в котором он постоянно находился в последние сутки. Машина завертелась, и хода назад уже нет: слишком много людей втянуто в дело, слишком многое произошло и происходит, чтобы резко тормозить на повороте. – Ваш осведомитель надежен?

– Вполне. Не сомневайтесь, все обставлено так, что у них не будет иного выхода. Я даже согласен на завершающем этапе пожертвовать своим человеком.

– Не надо торопиться, – поморщился гость, – ему еще придется сказать несколько слов с экрана телевизора, дать, если так можно выразиться, интервью с веревкой на шее. И только потом...

– Понимаю. Он все сделает.

– Кто еще посвящен в детали операции?

– Только начальник тюрьмы, – ответил полицейский и, заметив на лице гостя гримасу недовольства, тут же добавил: – Вынужденно, и то лишь частные моменты.

– Неужели без этого никак нельзя обойтись?

– К сожалению, – развел руками секретарь.

– Жаль, – протянул контрразведчик, подумав: «Еще один кандидат на кладбище. А этот опять провернул дельце чужими руками».

– Позаботьтесь о патрулях и постах оцепления. Пусть они скрытно займут позиции заранее. И пустите за машинами группы наружного наблюдения, – вставая с кресла, сказал он.

– Уже сделано. Выпьем кофе?

– Нет, мне надо торопиться на телевидение, а я не люблю опаздывать...

* * *

Сделав вид, что он совершенно не замечает издевательской ухмылки Баглана, Менза отошел в тень чахлах пальм, росших на тюремном дворе. Опустившись на корточки, прислонился спиной к шершавому стволу и, отыскав глазами Моу, что-то весело рассказывавшего группе заключенных, сделал ему знак подойти.

– Где недовольные Багланом? – протягивая уголовнику сигарету, спросил китаец, пристально следя за тем, что делает его противник. Тот пока не проявлял активности, видимо, выжидая.

– Вон, длинный, террорист Тонк.

– Тощий, – разочарованно сплюнул Менза. – Потянет ли в драке? Где другие?

Моу огляделся и показал на двух мужчин, пристроившихся в тени тюремного здания:

– Видите? Здоровяк – бывший военный, Ривс. А второй из левых, Латур. Я пойду? – уголовник буквально чувствовал спиной пристальный взгляд Баглана.

– Боишься? – криво усмехнулся китаец, и его раскосые глаза вспыхнули недобрым огнем.

– У меня долгий срок, – отходя от него, уклончиво ответил Моу.

Однако далеко уйти ему не удалось, хотя он торопился поскорее затеряться среди заключенных, чтобы избежать объяснений с противостоящей Мензе группировкой.

– Эй ты, подойди сюда! – приказал ему Баглан.

«Начинается», – подумал Менза, наблюдая, как Моу послушно поплелся на зов бывшего главаря шайки вымогателей.

Баглан ждал, уперев руки в бока. Не дойдя до него шаг или два, уголовник остановился.

– Ближе, ближе, – поманил его Баглан и, когда Моу сделал шаг вперед, резко ударил его в грудь. Казалось, послышался треск ребер старого уголовника, захрустевших под кулаком Баглана.

Не издав ни звука, Моу рухнул на раскаленные солнцем каменные плиты двора тюрьмы Бир.

«Пора», – понял Менза и, отбросив окуроч, подошел к стоявшему над корчившимся от боли уголовником Баглану.

– Зачем ты ударил его?

Вокруг потихоньку собирались заключенные. Охранник на вышке, встроенной во внутренний угол тюремной стены, лениво облокотясь на перила, с интересом наблюдал за происходящим.

Ривс, сидевший около стены тюремного здания рядом с Латуром, легонько постучал по ноге стоявшего перед ним заключенного:

– Отойди, нам плохо видно...

Тот сердито обернулся, но, увидев, кто его просит, послушно отодвинулся.

– Я спрашиваю, зачем ты ударил его? – тихо повторил Менза.

Краем глаза наблюдая за собравшимися вокруг заключенными, он уловил движение – сейчас симпатии собравшихся явно на его стороне. Надо использовать подходящий момент, тем более что позади Баглана уже собралась кучка его приверженцев. Протянув руку назад, он что-то незаметно взял у одного из них и спрятал за спиной.

«Нож», – понял Менза и, широко раскинув руки, словно призывая собравшихся вокруг подтвердить его правоту, крикнул:

– Все видели?

И тут же, на мгновение опередив выпад Баглана, сильно ударил его головой в лицо. Отпрянув назад, развернулся и добавил ногой в низ живота противника – раньше Менза усердно занимался кунг-фу в китайской общине, справедливо полагая, что это ему не раз пригодится в жизни.

Лицо Баглана покрылось кровью, его отбросило назад, и нож – узкий стилет с металлической рукояткой, – звякнув о камни двора, выпал из руки. Менза хотел поднять оружие, но в этот момент ему сзади врезали по почкам. Согнутый пополам жуткой болью, терзающей поясницу, хозяин казино «Горбатый бык» попытался выбраться из свалки, чтобы отдышаться, но на него сверху прыгнули, сбили с ног, пнули по ребрам, отдавили пальцы левой руки...

Устроившийся около стены тюремного здания Ривс пропустил момент, когда на середине двора началась общая свалка, – он видел, как один из сообщников передал Баглану нож, как ударил Менза, как тому угодили ногой по почкам, но тут все смешалось и куча сцепившихся людей, над которой облаком повисли пыль, стоны, вопли и проклятия, начала неожиданно быстро смещаться к тому месту, где расположились Ривс и Латур.

– Нас затопчут! – схватив Ривса за руку, прокричал он.

Бывший офицер и сам понял, какая опасность им грозит, если вовремя не убраться. Он вскочил на ноги, прикрывая собой хрупкого Латура, но было поздно – распаленная дракой куча заключенных надвинулась на них, обдав жаркой волной пота и взаимной ненависти, прижала к камням старой стены тюрьмы, заставив судорожно работать руками и ногами, чтобы не оказаться внизу, где по тебе пройдут десятки ног, оставив после себя уже не человека, а изувеченный труп.

Страшный, с залитым кровью разбитым лицом, Баглан с ревом сунулся в месиво тел, разбрасывая их, как разъяренный буйвол, стремясь поскорее добраться до Мензы, успевшего прийти в себя и отбивавшегося от наседавших на него сторонников претендента на подпольный тюремный престол. По пути к Мензе Баглану попался террорист Тонк – короткий удар, кулак главаря шайки вымогателей врезался в челюсть террориста, и тот отлетел в сторону. Не обращая более на него внимания, Баглан рванулся к Мензе.

Тонк, получив удар в челюсть, упал, перевернулся на живот, потом встал на четвереньки и, оглядевшись по сторонам, юркнул между ног дерущихся, рискуя больше не выбраться из свалки.

Менза блокировал удар случайного противника и, сделав обманное движение, рубанул того ребром ладони по кадыку – заросший щетиной уголовник, наседавший на него, сломался пополам и рухнул под ноги своему приятелю. Тот споткнулся и подставил спину. Менза поймал его голову и, ухватив за волосы, ударил об колено, с яростным наслаждением чувствуя, как хрустят кости носа врага, а потом сверху обрушил ему на хребет сцепленные в замок руки. С этим, считай, покончено, – если и встанет, то не скоро. Быстро оглядевшись, китаец заметил продирающегося к нему Баглана и хищно ощерился – давай, подходи, здесь тебе не Моу, доедающий из жестяных мисок чужую похлебку! Сейчас он посчитается с наглецом, возомнившим себя вправе оспаривать его привилегии и распускать слухи по тюрьме. Ну, смелее, что же ты медлишь?!

Ривс старался не причинить никому из дерущихся вреда – он просто отпихивал их от себя и Латура, закрыв его спиной, и отбивал случайные удары. Кругом сипели, надсадно вопили, пугая криком противников, пятнали одежду друг друга своей и чужой кровью, тянулись скрюченными руками к горлу, ломая ногти, стремились выцарапать глаза, вырывали волосы, выплевывали на истоптанные, пыльные каменные плиты двора выбитые зубы.

Ривс чувствовал – еще немного и он выдохнется, не сможет поднять наливающиеся усталостью руки: слишком много вокруг давящих на него потных спин, слишком много грязных кулаков, нацеленных то в переносье, то в солнечное сплетение, то в висок, слишком много тел, своей массой пытающихся вмять его и Латура в кирпич стены.

И в этот момент кто-то страшно закричал – тонко, пронзительно, на высокой ноте, выражая криком ужас и страх, безысходность и недоумение. Дерущиеся на миг остановились, как-то разом отшатнулись и медленно, словно во сне, стали отступать от некоей точки в центре кучи тел, образуя живой круг, посередине которого стоял на коленях бледный Баглан. Руки его были прижаты к груди, и по сведенным судорогой пальцам скользнула темная, казавшаяся маслянистой, струйка крови. За ней пробежала вторая и главарь шайки вымогателей, еще недавно рвавшийся навстречу Мензе, чтобы свести с ним счеты и выяснить наконец, кто же из них будет «держатель» тюрьмы, рухнул лицом вниз...

* * *

Человек в светлом костюме наблюдал за дракой, глядя на экран телевизора. Меланхолично посасывая сигарету, он отмечал удачные удары и слегка дергал плечом, словно сам принимал участие в потасовке, безжалостно дробя крепким кулаком чужие носы и зубы.

Когда динамик донес до него жуткий крик и заключенные начали пятиться, вперив глаза в стоявшего на коленях Баглана, человек в светлом костюме подался вперед, стараясь разглядеть подробности происходящего. Увидев, что Баглан рухнул вниз лицом, он повернулся к офицеру тюремной охраны:

– Видели?

– Да! – подтвердил офицер, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

– Готовьте машину! Скорее, дьявол вас возьми, что вы тут перебираете копытами? Бегите, нельзя терять ни секунды!

Офицер тюремной охраны схватил фуражку и опрометью бросился вон из комнаты, оставив человека в светлом костюме наблюдать за дальнейшим развитием событий на экране телевизора...

* * *

Охранник на вышке, совершенно забыв, что у него есть оружие, в каком-то исступлении нажимал на кнопку вызова дежурного наряда, не отводя взгляда от жуткой картины во дворе тюрьмы, где в центре круга растерзанных в драке заключенных уже затих скорчившийся Баглан.

Укрепленная на тюремной стене телекамера-монитор беспокойно завертелась, словно пытаясь запомнить лицо каждого уголовника и накрепко зафиксировать на пленке мрачную картину неподвижного тела, палящего солнца, пыльных плит двора, жалкой тени чахлах пальм и нацелила свой фиолетовый глаз на Баглана, под которым медленно расплывалась темная лужица.

Пронзительно затрещал звонок тревоги, распахнулись двери караульного помещения – и на двор, громко стуча грубыми солдатскими башмаками с высокой шнуровкой, выбежал дежурный наряд. Сноровисто окружил не пытавшихся разбежаться заключенных, привычно взяв автоматы наизготовку.

Щурясь от яркого света и досадуя, что в спешке забыл надеть солнцезащитные очки, во двор вышел господин начальник тюрьмы, сопровождаемый чинами тюремной администрации. Всем им стало жарко после прохлады кондиционеров, по спинам противно потек пот, и, казалось, шумело в ушах от гнетущей тишины, прерываемой лишь сдавленными вздохами и легким позвякиванием амуниции дежурного наряда охраны, готового в любой момент открыть огонь, если заключенные попытаются разбежаться или прорвать оцепление. Хотя, куда им бежать?

Небрежно раздвинув стеклом стоявших вокруг тела, господин начальник тюрьмы подошел к Баглану и наклонился. Выпрямившись, знаком подозвал врача.

Маленький, толстый тюремный доктор шариком подкатился к телу и, опустившись на колени, перевернул его, отводя испачканные кровью руки Баглана от груди.

– Готов! – буркнул доктор. – Закололи прямо в сердце. Здесь нужен не врач, а священник. Распорядитесь отправить тело в тюремный морг. Там я лучше рассмотрю, что к чему.

И бочком, как напуганный краб, удирающий от преследователя, спрятался подальше от заключенных за спины охраны.

– Построиться! – хмуро приказал начальник тюрьмы. Заключенные, словно очнувшись от сна, привычно выстроились в одну шеренгу. Менза оказался в конце. Прикладывая к разби-

той губе тыльную сторону ладони, он с тревогой поглядывал то на неподвижное тело Баглана, то на медленно идущего вдоль строя начальника тюрьмы.

– Так, – поигрывая стеклом, приговаривал тот. – Кто желает сам облегчить свою участь? Ну?!

Строй понуро молчал, обливаясь потом под лучами палящего солнца. Откуда-то уже успели налететь мухи и теперь роились над телом Баглана и лужицей быстро подсыхающей крови.

– Никто не желает, – недобро усмехнувшись, констатировал начальник тюрьмы и уперся концом стека в грудь Мензы. – Ты начал драку! Выйди из строя! Кто его заколол? Говори!

Менза опустил голову и сделал шаг вперед. Остановился, упорно глядя себе под ноги. Строй хранил гробовое молчание: может, кто-то и видел, как закололи Баглана, но сказать об этом открыто, здесь, сейчас, означало бы подписать себе смертный приговор, который не подлежит обжалованию и будет приведен в исполнение незамедлительно, сегодня же ночью, прямо в камере или даже в карцере.

– Ладно, – отходя от Мензы, проворчал начальник тюрьмы. – Что именно ты начал драку, я видел собственными глазами, – он кивнул на телевизионную камеру. – А ты, похоже, тоже сильно размахивал руками?

Стек уперся в грудь Ривса, приказывая выйти из строя. Пожизненно приговоренный вынужден был повиноваться.

– Господин начальник! – неожиданно подал голос Латур, щуривший близорукие глаза. – Этот человек не участвовал в беспорядках.

– Вот как? – чуть повернул голову начальник тюрьмы. – Выйди из строя!

По знаку офицера, один из охранников вытолкнул тщедушного Латура из шеренги и поставил рядом с Мензой и Ривсом.

– Вот так, – усмехнулся начальник тюрьмы. – У меня есть свободный карцер, но в нем четыре места. Ты! – стек ткнулся в грудь Тонка. – Составь им компанию, тебе это не вредно. Надеть им наручники и в карцер! Быстро! Остальных по одиночкам и на допросы. Живей, бездельники, я желаю покончить с этим делом еще до вечернего намаза!..

* * *

Оставив машину на стоянке неподалеку от виллы «Джулия», человек в светлом костюме направился по теневой стороне улицы к калитке особняка. Подойдя, позвонил и, дождавшись пока ему откроют, спросил у охранника:

– Где хозяин?

– В саду, – буркнул тот.

Миновав дорожку, ведущую к дому, человек в светлом костюме проследовал мимо бассейна со спущенной водой, обогнул купы кустов, осыпанных мелкими белыми цветами, источавшими тонкий аромат, и вошел в беседку, где его ожидал Хон.

– Я уже знаю, – протягивая гостю руку для приветствия, сообщил Джеймс. – Они в карцере?

– Да, – человек в светлом костюме опустился в плетеное кресло и достал сигареты.

– Пока все по плану, – потирая рукой подбородок, Хон прошелся по беседке, словно меряя ее шагами. – Теперь надо ждать дальнейшего развития событий. Ждать! – он пристукнул кулаком по ладони. – Опять ждать. Ну, ничего, главное, когда все произойдет, немедленно заткнуть рот оппозиции. Есть опыт Чили, там использовали стадионы. А вы подобрали надежные места?

Человек в светлом костюме молча кивнул – он все помнит, ничего не упущено: сразу закроют границы, морские и воздушные порты, вокзалы, задержат выпуск газет и теленовостей.

– Списки на аресты? – повернулся к нему Хон.

– Отпечатаны.

– Армейские части готовы?

– Не волнуйтесь, – усмехнулся человек в светлом костюме, – наемники не подведут.

– Прекрасно, – Джеймс подошел к столику и, налив из сифона стакан воды, жадно выпил, некрасиво дергая потным кадыком. Поставив на стол стакан, наклонился к гостю. – Ваши люди не обманут?

– Нет, – человек в светлом костюме уловил исходивший от хозяина виллы слабый запах спиртного.

«Нервничает, взвинчен, расслабляется с помощью виски, – понял он, – а может быть, заглушает страх возможной неудачи? Иначе, отчего бы ему без конца переспрашивать о том, что уже десятки раз обговорено и уточнено?»

– Мы не доверяем столь тонкое дело только полиции, – продолжил гость. – Поэтому в операции участвуют и наши осведомители. Все пройдет как по нотам, поверьте.

Хон вытер платком пот со лба и опустил в кресло напротив человека в светлом костюме. Полуприкрыв глаза, откинул голову на спинку и тихо сказал:

– Я чертовски устал за последнее время, извините... Беспокоит, что не все армейские части могут оказаться на нашей стороне, особенно удаленные от столицы гарнизоны. Кстати, в охране президента есть наши надежные сторонники? За ними тоже надо приглядеть.

– Обязательно, – согласился гость, – мы не выпустим их из своего поля зрения ни на минуту, особенно после начала операции. А что касается армейских частей, расквартированных в провинциях... Им не останется ничего другого, кроме как признать правоту сильного.

– Надеюсь, – вздохнул Джеймс. – О политическом кредо нового кабинета я позабочусь сам, а вы возьмите под жесткое наружное наблюдение всех участников операции.

– И полицейских? – уточнил гость, вспомнив секретаря министерства внутренних дел.

– Я же сказал: всех! – приоткрыв один глаз, раздраженно повторил Хон. – И, особо, Эдвина Греди. Я не верю ему и его приятелю, сидящему в президентском кресле. Как бы в самый последний момент они не наделали со страху в штаны и не спрятались в кусты. Выковыривай их потом оттуда.

Человек в светлом костюме примял в пепельнице сигарету и поднялся, застегивая щегольски пошитый пиджак, – пора отправляться по делам. Еще предстоит побывать в штабе сухопутных войск, повидаться кое с кем, переговорить, проверить, готовы ли места для возможных экзекуций и содержания арестованных, отпечатаны ли листовки, получен ли дополнительный запас горючего, сухие пайки и боепитание. В общем, дел невпроворот и прохладиться некогда.

– Уходите? – повернул к нему голову хозяин. – Счастливо. Постоянно держите меня в курсе. И еще... Мне очень не хочется больше встречаться с Греди...

* * *

Под потолком тесного карцера, со стенами, выкрашенными белой краской, слепя глаза, ярко горели лампы. Нар не было, стола и скамеек тоже, поэтому заключенные расположились прямо на полу, смежив веки, чтобы хоть немного избавиться от назойливого, всюду проникающего света бестеневых ламп, но все равно через минуту-другую у каждого возникало ощущение, что в глаза насыпали колючего мелкого песка.

Тупо ныли скованные наручниками запястья. «Хорошо еще не подвесили, шакалы», – подумал Менза, закрывая лицо ладонями. Так меньше резал глаза свет, но зато сильнее болели руки от сжимавших их стальных браслетов.

Латур сжался в комок и лег лицом к стене, Тонк встал в угол, уткнув нос в поднятые руки, Ривс сел, прислонившись спиной к ногам лежавшего Латура и, опустив голову, невесело размышлял о произошедшем.

В который раз за последние годы его руки скованы наручниками? Трудно сосчитать. Хотя, чего еще ожидать, если ты пожизненно осужден?

Взяли его ночью, совершенно неожиданно, и происходило это как в банальном фильме или затасканном детективе из бульварной серии романов-однодневок: в двери позвонил вестовой из штаба, а когда Ривс открыл, в квартиру ворвались сотрудники контрразведки и солдаты комендантского взвода, сразу наполнив комнаты запахом металла, кожи, оружейной смазки и казармы. Подняли с постели жену и маленькую дочь, толкая их в спины прикладами, поставили лицом к стене и начали обыск. Жена плакала беззвучно, только тряслись губы и вздрагивали плечи, а дочь, сидя на руках у матери, тихонько всхлипывала, видимо, поняв, что плакать громко нельзя, чтобы не вызвать гнев пришедших в их дом чужих, недобрых людей.

Когда Ривса уводили, то проститься с семьей не дали. Он сразу же решил ни в чем не признаваться и молчать, даже под пыткой. В крайнем случае можно признать, что он и некоторые офицеры, с которыми он вместе учился или служил в других частях, встречались, вместе проводили вечера, свободные от службы. Что в этом предосудительного? Ни к каким заговорам он не имеет отношения и даже не слышал о них, а уж чтобы кто-то из его друзей или знакомых когда-либо говорил об отмене конституции в стране? Нет, такого он не слышал и сам никогда не вел подобных разговоров с солдатами. И с университетскими лидерами у него нет ничего общего...

Следователь допрашивал его, направив в лицо свет сильной дуговой лампы, – болели глаза, покрывалась волдырями и лопалась опаленная жаром потрескивающих вольтовых дуг лампы кожа лица.

Следователь зачитал показания нескольких офицеров, указывавших на Ривса как на руководителя подпольной группы либерально настроенных военных, ставящей своей целью демократизацию жизни страны и свержение существующего режима. Он в ответ требовал очных ставок, но отказали. Тогда Ривс понял, что среди его друзей, которым он всегда доверял, оказался осведомитель контрразведки и теперь следователь стремится любой ценой получить нужные показания, чтобы прикрыть предателя, выдавшего организацию.

Мучила жажда, поскольку уже несколько дней не давали воды, сознание мутилось, и он не выдержал – вернувшись в камеру после допроса и поняв, что скоро переступит грань, за которой начинается помутнение рассудка, дождался наступления ночи и, сплетя шнурок из выдернутых из подола рубахи ниток, попытался удавиться.

Однако смерть не пришла – надзиратели, проинструктированные относительно особого надзора за подследственным, почуяли неладное и подняли тревогу. Ривса вынули из петли и притащили в тюремный лазарет, чтобы вернуть к жизни и мучениям.

Судили в пустом зале, военным трибуналом. Приговор к пожизненному заключению он воспринял равнодушно – перегорел и ждал худшего. Ничего не знал о судьбе семьи и товарищей, но страшнее всего было то, что о нем распускали слухи, будто это он предал организацию и хотел повеситься, испытывая муки раскаяния в содеянном. Долгие годы, проведенные в тюрьмах без права переписки и свиданий, привили ему привычку к философскому спокойствию и равнодушию к дальнейшей судьбе.

Как ни странно, с уголовниками у него сложились нормальные отношения – именно от них он узнал, что в стране произошли серьезные события: умер прежний президент, на выборах победила либеральная партия и сформировала новое правительство. Вытребовав у тюремной администрации бумаги, Ривс написал прошение о помиловании, в котором указал, что созданная им организация добивалась именно того, что провозгласила в своей программе правящая в стране либеральная партия. Ответом был карцер и наручники с шипами, затягивав-

шиеся все туже при каждом движении, – кости рук такие браслеты ломали просто шутя. И Ривс понял, что кому-то выгодно, чтобы о нем и его товарищах напрочь забыли...

За дверями карцера слышались характерные звуки, прекрасно знакомые каждому заключенному, – стучали миски и бренчал в котле с тюремной похлебкой черпак. Менза насто-рожился и приподнял голову, прислушиваясь к тому, что делается в коридоре тюремной галереи. Латур беспокойно заворочался и сел, прикрывая скованными руками покрасневшие, слезящиеся глаза. Тонк вышел из угла и неслышно прокрался ближе к двери, вытянув шею и выставив вперед ухо, поросшее сивыми волосками. Ривс остался безучастно сидеть у стены.

– Будут кормить? – прошепелявил разбитыми в драке губами Менза, но ему никто не ответил. Все слушали: затихнут шаги разносчиков пищи перед их дверями или нет? Ну если не похлебка, то дали хотя бы воды, чтобы промочить пересохшее горло и промыть ссадины на лице.

Щелкнул, поворачиваясь в замке двери карцера, ключ. Двери распахнулись и появились два уголовника с мисками и котлом, в котором плескалось горячее варево. Не выдержав, Тонк облизнулся – дадут, дадут поесть и, значит, хотя бы на время приема пищи, снимут наручники!

Надзиратель, сопровождаемый двумя солдатами тюремной охраны, приказал заключенным встать и по одному подойти к нему. Недовольно бурча в седые усы о мягкосердечии господина начальника, пожалевшего отъявленных негодяев и убийц, он снял наручники с запястий сидевших в карцере и отступил в сторону.

Уголовники ловко сунули каждому в руки по миске, плеснули в них похлебку и, раздав ложки, вышли.

– На еду десять минут, – предупредил надзиратель.

Приступать к трапезе Менза не спешил – сунув ему в руки миску, раздававший пищу уголовник подмигнул, незаметно проведя пальцем по краю алюминиевой посуды. И теперь хозяин казино «Горбатый бык» растирал намятые наручниками запястья, на которых остались багрово-синие следы и, внимательно наблюдая за солдатами и надзирателем, ждал момента, когда они перестанут обращать на него внимание.

Тонк, как опытный заключенный, понял, что нужно Мензе, и нарочно закашлялся. Того мгновения, когда стражи повернулись к нему, оказалось достаточным для китайца – быстро проведя рукой по краю миски, он нащупал маленький шарик записки, прилепленный изнутри хлебным мякишем, и спрятал его между пальцами.

Выхлебав варево, Менза сел к стене, привалившись к ней спиной, – все равно его модный, хорошо пошитый костюм давно потерял свой первоначальный вид: брюки пузырились на коленях, пиджак порван в драке, на жилете не хватает половины пуговиц, а рубаха заляпана кровью. Чего уж тут думать о костюме?

Собрав миски, надзиратель и солдаты вышли, предварительно надев наказанным наручники.

– Плохо наше дело, – опять вставая в угол, посетовал Тонк. – Могут припаять за соучастие в убийстве на всю катушку.

– Ты за что сел? – поднял на него слезящиеся глаза Латур.

– Тоже за соучастие, – криво усмехнулся Тонк. – Участвовал в захвате заложников в государственном учреждении. А ты?

– За то, что писал статьи против прежнего президента, а новый побоялся продолжения, – хрипло рассмеялся Латур.

Пока они разговаривали, Менза размял хлебный шарик и, помогая себе зубами, расправил записку. Быстро пробежав ее глазами, сунул клочок бумаги в рот и проглотил.

– Эй, подойдите сюда, – негромко позвал он товарищей по несчастью. – Надо кое-что перетереть без чужих ушей.

Заклученные придвинулись ближе, оглядываясь на глазок в двери карцера, но, похоже, надзиратель был слишком занят раздачей пищи и на время забыл про наказанных.

– Что еще? – опускаясь на корточки рядом с хозяином казино, недовольно проскрипел Тонк.

– Есть возможность бежать, – шепотом сказал Менза...

* * *

Поле для гольфа уходило к синевшей вдалеке роще, уже чуть тронутой желтоватым тле-ном осени, – так, на синеве, какой издали казалась еще сочная зелень, проглянуло одно, пока еще не слишком большое желтоватое пятно, почти сливающееся с общим фоном. Но оно скоро разрастется, вызолотит деревья недолговечной позолотой, готовой слететь под порывами холодного ветра и моросью дождей. А сейчас ласково пригревает солнце, роскошным ковром стелется трава и близится пора «индейского лета», которое во Франции принято называть «бабушкиным». Разноцветные фигурки игроков кажутся пестрыми бабочками или луговыми цветами, разбросанными по полю шаловливым ребенком, и приятно сидеть в тени веранды клуба в шезлонге, наблюдая за перипетиями игры в сильный бинокль.

Почуднее пристроив протез, Филд почтительно слушал пожилого джентльмена, с которым он недавно встречался на другом берегу океана в маленькой старой церкви святой Троицы, спрятавшейся в ущелье улицы между двумя небоскребами.

– Мы еще раз обсудили ваши предложения, – покручивая покрытыми коричневыми старческими пятнами пальцами, с изуродованными полиартритом суставами, колесико настройки резкости бинокля, кривил губы лысый джентльмен, – и считаем, что следует напомнить о необходимости удачной затеянного вами предприятия.

Последние слова он особо выделил, и Кристофер понял, что в случае непредвиденных осложнений пожилой джентльмен и стоящие за ним люди захотят остаться в стороне. И им это, вне всякого сомнения, удастся.

– Надо подумать о путях отступления, поскольку полную гарантию может дать только всемогущий Господь, – джентльмен опустил бинокль и рассмеялся дребезжащим смешком, повернув к Филду загорелое морщинистое лицо, с хитро прищуренными глазами.

Кристофер открыл было рот, чтобы сказать, что Хон, который собственно придумал всю затею и начал претворять ее в жизнь с упорством маньяка, искал в каждой стране, где ему приходилось работать, возможность создания диктатуры. Его идеалом со времен юности был Мартин Борман, и сам Джеймс мечтает стать теньвым диктатором, возведя на престол послушную его воле марионетку. Поэтому он, ничуть не задумываясь, без всякой жалости отодвинет Греди и любого другого, кто посмеет встать поперек дороги. И здесь не сыграют роли ни старая дружба, ни родственные узы, ни любовь – все поглощает неутоленная жажда власти! Тем более теперь, когда, по мнению Хона, плод созрел и готов упасть в подставленные ладони, когда найдена страна и люди, способные воплотить его замыслы в жизнь. Нет, он никому не даст себя остановить.

Но стоит ли об этом говорить пожилому джентльмену, давно забывшему, сколько на самом деле он имеет денег на банковских счетах, сколько их вложено в различные предприятия в разных концах света, сколько золота приносят ежедневно черные, желтые и белые рабы его корпораций, собирающие на заводах машины, станки, самолеты, оружие, добывающие руду, плавящие металл и мозги в конструкторских бюро? Наверное, нет. И Филд закрыл рот, не произнеся ни слова.

– Сегодня хорошая погода, – лысый джентльмен поправил плед, лежавший на коленях, и прикрыл глаза.

– Хорошая, – поддакнул Филд, не зная, как сказать о том, что он и сам долго думал над возможными вариантами неудач и предпринял кое-что, должное обезопасить тех, кто желает остаться в стороне. В том числе и его самого.

– Я чувствую, старый лис Кристофер хочет мне нечто сказать? – не открывая глаз, улыбнулся джентльмен.

– Вы не ошиблись. – Филд достал из стоявшего рядом с его шезлонгом дипломата тоненькую папку и осторожно положил ее на колени джентльмена, покрытые пушистым пледом цветов воинственного шотландского клана Мак-Грегоров.

– Что это? – провел по ней ладонью старик.

– Необходимая документация на непосредственного исполнителя акции Джеймса Хона, – наклонившись ближе к уху джентльмена, сообщил Филд. – Здесь анализы ранее проведенных им операций, любезно подготовленные моими старыми друзьями, справки о состоянии его здоровья, данные проверок службы безопасности, всевозможные характеристики, еще со времен обучения в университете. Кажется, там просматривается один весьма любопытный ход. . .

– Да? – бледно улыбнулся старик.

– Я подготовил предложения по этому поводу, – отодвинулся Кристофер, наблюдая, как пожилой джентльмен не спеша достает очки в тонкой золотой оправе, надевает их на мясистый нос и открывает папку, начав просматривать привезенные Филдом материалы с конца.

Ветер чуть шевелил листки в руке старика, переключались игроки на поле, белой искрой взлетал мяч, посланный в очередную лунку мастерским ударом клюшки; солнце немного сместилось и теперь пригревало ноги пожилого джентльмена, заботливо укрытые пледом.

– Хорошо, это подходит, – закрывая папку, сказал тот. – Мне нравится: просто, неожиданно и без лишних затей. . .

* * *

Пит провел ладонью по пыльной крышке пианино и брезгливо поморщился – опять не вытерли инструмент, за что только хозяин платит деньги уборщице, если она постоянно забывает вытирать пыль, ставить бокал свежего ледяного пива таперу и заменять оплывшие свечи? Вообще мерзкая страна – жарко днем и ночью, сухо, а уж если начнет лить, то кажется, что хляби небесные раскрылись навсегда и больше никогда не закроются: потоки воды на улицах, грязь, забитые кожурой бананов и апельсинов водостоки, жуткая влажность, тело покрывается липким потом и не спасают даже кондиционеры. Дернул же черт застрять здесь без гроша в кармане! Хорошо еще подвернулась работенка в ночном баре «Изабелла», где он брэнчит на пианино во время репетиций кордебалета. Хотя полдюжины полуголых местных красоток, звенящих монистами из поддельных старинных монет, вряд ли можно назвать кордебалетом – так, нечто среднее между африканским стриптизом и парижским канканом начала века.

Откинув назад изрядно поседевшие длинные волосы, Пит сел к инструменту и начал разминать пальцы. Красотки лениво покуривали, ожидая начала репетиции и щебетали о своих делах, перебивая кости какой-то Лоле, польстившейся на посулы пьяного коммивояжера и не получившей из обещанного им ни гроша, а теперь сидящей в своей каморке с разбитой мордой. От красоток пахло потом и дешевой пудрой, терпким дезодорантом и смесью бараньего жира с чесноком; в углу глухо бубнило радио, передавая молитвы не то суннитов, не то шиитов, – Пит давно запутался в религиях и верованиях местного населения: здесь, в столице, являвшейся одновременно и крупным портом, можно встретить кого угодно: мусульман, католиков, несториан, французских масонов, кришнаитов и мормонов. . .

В зале появился руководитель ансамбля – прыщеватый юноша в потертых джинсах и линялой майке, – снял с одного из столов перевернутый вверх ножками стул и хлопнул в ладоши, призывая к началу репетиции. Красотки бросили сигаретки и нехотя выстроились на

авансцене, повернувшись боком к залу и выставив вперед обнаженные левые ноги. Пит опустил руки на клавиши и заиграл регтайм – вечером эту мелодию будут выводить саксофоны, а разноцветные фонарики и яркий грим скроют все недостатки подержанных красоток, устало дрыгающих ногами на потеху пьяной публике.

Первый номер отработали почти без замечаний. Отхлебнув пива, тапер заиграл ритм-блюз, девицы на сцене задвигались быстрее, сильнее стал запах пота, смешивавшийся с пыльным запахом старых кулис. Играя, Пит чертыхался – скотина хозяин, экономит буквально на всем, инструмент давно просит настройщика, молоточки сдвинуты, клавиши западают, но никому нет дела до этого. Впрочем, плевать, он отработает свое и уйдет.

– Живее, больше огня! – хлопая в такт ладонями, приговаривал сидевший в зале «балетмейстер». – Что вы сегодня, как сонные мухи?!

Пит увеличил темп, девки сбились с ритма и, не слушая рассерженных воплей прыщавого юнца, потащились за кулисы – выпить пива и перекурить, вытереть пот и хоть ненадолго вытянуть уставшие ноги. Тапер перестал играть и откинулся на спинку стула – ему сейчас тоже можно передохнуть.

– Пит!

Пианист оглянулся – рядом со сценой стоял человек в светлом костюме. Приветственно помахав рукой, он поманил тапера к себе:

– Привет! Спустишься со своего Олимпа, пропустим по рюмочке.

Пит нерешительно посмотрел на «балетмейстера», но тот, покинув свое место, отправился за кулисы – уговаривать кордебалет продолжить репетицию.

– Только недолго, – спрыгивая со сцены, предупредил Пит, прикидывая, какое дело привело к нему давнего знакомого, время от времени дававшего возможность немного подработать на мелких поручениях. Имени человека в светлом костюме тапер не знал, но деньги у того водились, а раз так, то зачем отказываться от дармовой выпивки?

– Я и сам тороплюсь, – похлопал Пита по спине крепкой ладонью знакомый.

Толстый, казавшийся сонным бармен, с густой шапкой черных вьющихся волос, налил им виски и поставил на стойку тарелку с тартинками. Тапер жадно выпил, но не успел закусить, как бармен налил еще. Это пианисту понравилось – в конце концов, какое ему дело до вероисповедания, национальности и рода занятий человека в светлом костюме, если тот щедро платит за выпивку? Судя по всему, давний знакомый, неизвестно откуда появляющийся и неизвестно куда исчезающий, явно европеец, хотя и прожарился дочерна под местным солнцем. Кто он – англичанин, француз, уроженец Северной Италии, а может быть, судьба закинула его сюда из Штатов или Канады? Надо ли об этом спрашивать? Ведь Пита никто никогда не спрашивал, как и зачем он попал в этот город.

– Как жизнь? – улыбнулся человек в светлом костюме, любезно предлагая таперу сигарету.

– Разве это жизнь? – Пит кивнул на расстроенное пианино.

– Никто не знает, где найдет, а где потеряет, – философски заметил давний знакомый, пуская аккуратные колечки дыма. – Ты, я вижу, как всегда на мели?

– Финансовая пропасть самая глубокая, – засмеялся пианист, с удовольствием проглотив вторую порцию виски и видя, что бармен ставит перед ним полную бутылку.

– Придется бросить тебе спасительную веревку, – человек в светлом костюме слегка прищурился. – Хочешь зашибить денег и смотаться из этого вонючего притона навсегда?

– Сколько? – облизнув враз пересохшие губы, моментально протрезвел Пит. Легкий шум в голове и приятная эйфория улетучились, и он напрягся, ожидая ответа.

– Достаточно, – загадочно улыбнулся давний знакомый. – Хватит, чтобы сесть на корабль или самолет и отправиться в Европу, купить там домик и, сидя в собственном садике, пропивать ренту. По рукам, или ты будешь думать?

Тапер запустил пятерню в давно нестриженные патлы и изобразил на лице сомнение. Хотелось крикнуть «да», но инстинкт подсказывал, что надо немного поломаться, набивая себе цену. Не мешало и выяснить, что от него требуется, – вдруг предложат пришить хозяина заведения или протащить через таможню наркотики.

– Что надо делать?

– Суший пустяк, – подмигнул человек в светлом костюме и достал из кармана пиджака ключи, позвенев ими перед носом Пита. – Отгонишь в нужное место автомобиль и получишь свои денежки.

– Темнишь, – погрозил ему длинным пальцем тапер. – За такое плевое дельце не отваливают ломовые бабки. Что в машине и почему ее должен перегнать именно я?

– Бизнес! – зажал ключи в кулак давний знакомый. – Иногда он входит в противоречие с законом, а на тебя никто не обратит внимания.

– Наркотики? – хмыкнул Пит. – Так я и знал. А если меня возьмут за задницу фараоны?

– Не возьмут, – убежденно сказал человек в светлом костюме, – на крайний случай признаешься, что хотел украсть машину.

– Ага, и сяду в тюрьму, – закончил за него тапер.

– Всегда есть определенный риск, зря никто платить не будет. Если ты не хочешь, так и говори, тогда я поищу кого другого.

– Не надо, – удержал его за рукав Пит. – Когда перегонять твою машину и куда?

– Держи ключи и задаток, – человек в светлом костюме сунул ему в руки плотный конверт и ключи. – Основную сумму получишь после дела. О месте, где будет стоять машина и куда ее перегонять, тебе сообщат. Главное, она должна быть на указанном месте точно в назначенное время, ни минутой позже или раньше.

– Кто сообщит? – налил себе полный стакан пианист.

– Позвонят по телефону. Город хорошо знаешь?

– Будь спокоен, – выливая в свой стакан остатки виски, заверил Пит. – Но я хочу иметь гарантии оплаты.

Человек в светлом костюме усмехнулся и вынул из кармана чековую книжку. Быстро вписал сумму и, заполнив графы, показал таперу:

– Вот чек на отделение швейцарского банка в Марселе. Чек будет лежать в перчаточном отделении машины.

Пит взял листок – чек выписан на его имя, а от суммы захватило дух.

– Дай сюда, – забрал у него чек давний знакомый, – сначала дело!

– За такие деньги я готов отправиться в джунгли и притащить твою телегу на себе, – умильно улыбаясь, заверил пианист. В голове у него звенели колокола и пели ангельские хоры от выпитого виски и написанной на чеке суммы. И неизвестно, что больше опьяняло.

– Т-с-с! Придержи язык! – слегка стукнул его кончиками пальцев по губам человек в светлом костюме. – Кругом уши!

– Да-да, я понял, – замотал патлатой головой тапер. – Ты уже уходишь? Может, еще по рюмочке, а?

– Хватит, – отказался так и не притронувшийся к спиртному давний знакомый. – Пока, жди звонка.

Похлопав на прощание по плечу пианиста, он неслышной упругой походкой вышел из зала, ловко лавируя между столами с поставленными на них перевернутыми стульями.

Тапер с сожалением поглядел на опорожненную бутылку.

– Пит! Кончай лакать! – закричал «балетмейстер», вновь выстроивший кордебалет. – Садись за инструмент, давай сначала.

Пианист подчеркнуто твердо прошел к сцене, сел, начал играть, забыв про западающие клавиши и сдвинутые молоточки, запах пота и дешевой пудры. Перед глазами у него стояло

название банка и сумма, вписанная в чек человеком в светлом костюме. Скоро старина Пит пошлет к дьяволу ночной бар «Изабелла», надо только набраться терпения и дожидаться обещанного телефонного звонка...

* * *

После репетиции и бесплатного обеда он сел в свою колымагу с помятыми крыльями. Следом за ним тихо тронулась притаившаяся в переулке машина группы наружного наблюдения армейской контрразведки, но пребывавший в радужном настроении Пит ее не заметил...

Когда заскрежетал ключ в замке двери карцера, шептавшиеся заключенные отпрянули друг от друга и быстро разбрелись по углам. На пороге появились надзиратель и солдаты охраны.

– Выходи по одному! – приказал надзиратель.

Заключенные повиновались. После слепящего, проникающего даже сквозь сомкнутые веки света карцера, в галерее тюрьмы показалось темно и перед глазами поплыли радужные круги, а у Латура даже потекли слезы. Надзиратель снял с заключенных наручники, буркнув, что господин начальник тюрьмы проявляет мягкосердечие.

Заключенных привели в канцелярию, где за столами сидели два офицера. Старший по званию встал и, поднеся поближе к глазам бумагу, прочел, что участвовавших в драке и беспорядках по решению начальства переводят до суда, должного определить им наказание, в тюрьму с усиленным режимом.

– Я требую объяснений, – заявил Менза. – Меня еще не осудили в отличие от этих, – он мотнул головой в сторону Тонка, Ривса и Латура. – Вам должно быть известно, что я подследственный...

– Хватит! – хлопнул ладонью по столу офицер. – Молчать! Попробуй теперь тюрьмы с усиленным режимом, свинья!

– Вы обязаны поставить в известность моего адвоката, – не сдавался Менза. – Иначе я буду вынужден обратиться с жалобой в министерство юстиции и к прокурору. Вы нарушаете закон, господин офицер!

– Ладно, – неожиданно согласился тюремщик, – мы позвоним.

– Сейчас позвоните, – не успокаивался Менза, – при мне. Или позвольте мне самому переговорить с господином Барелли. Это было бы лучше всего. Естественно, если я получу возможность все сказать своему адвокату, ни о каких жалобах не может быть и речи.

Тюремщик ненадолго задумался, потом взял со стола дело Мензы и, открыв его, отыскал листок с телефоном адвоката. Хозяин казино как замороженный следил за движением пальцев офицера, нажимающих на кнопки телефонного аппарата. А вдруг адвоката не окажется в конторе? Мало ли что он может делать – пошел обедать, поехал к любовнице, покупает новую машину или договаривается о ремонте старой. Впрочем, Барелли всегда предпочитал ремонтировать машину в мастерской китайца, где ему предоставляли льготные условия как правому духовнику хозяина.

– Господин адвокат? – офицер прижал трубку плечом и, освободив себе руки, завязал тесемки корочек дела Мензы. – Вашего подопечного переводят в другую тюрьму в связи с допущенными им нарушениями режима. Что? Да, сегодня, прямо сейчас. Хорошо... Говорите, – он протянул трубку Мензе, который схватил ее, как утопающий хватается за спасательный круг. – Даю вам не более трех минут.

– Барелли? – переспросил на всякий случай Менза и, узнав голос адвоката, зачастил. – Я ни в чем не виноват, примите меры к защите моих прав. Свяжитесь с министерством юстиции, с моим управляющим...

– Запрещено! – офицер нажал на клавишу, прерывая разговор.

– А наши вещи? – подал голос Латур.

– Их доставят, – небрежно бросил офицер. – Еще есть вопросы?

– Мы требуем оказания медицинской помощи, – заявил Ривс.

– Получите перед выездом, – кивнул офицер.

– Нас продержали в наручниках больше положенного времени. Я протестую! – выступил вперед Тонк.

– Ваше право, – равнодушно пожал плечами офицер. – Повезут вас все равно в наручниках, таков приказ.

– Черт знает что! – взорвался Менза. – Мы не животные!

Офицер тюремной охраны повернулся к нему спиной. В коридоре уже топтался дежурный наряд, выделенный для сопровождения заключенных. Пришел доктор, брезгливо скривив рот, промыл остропахнувшей дезинфицирующей жидкостью ранки и ссадины, залепил их пластырем и, закрыв чемоданчик, ушел, так и не произнеся ни слова.

– Марш во двор! – приказал офицер, передавая надзирателю пакет с сопроводительными бумагами.

Зазвонил телефон. Офицер снял трубку.

– А, это опять вы, господин адвокат? Нет, нас не разъединили, это я не дал говорить вашему подзащитному. Он слишком много толкует о правах, забывая про обязанности... – офицер скорчил гримасу, давая понять сослуживцу, как ему надоел адвокатишка. – Нет, господин Барелли, ваш подзащитный участвовал в беспорядках и потому его вместе с тремя заключенными распорядились перевести в тюрьму с усиленным режимом. Еще до вечерней молитвы он будет там, а завтра, если начальство сочтет нужным и возможным вас принять, можете обратиться с просьбой о свидании. Желаю здравствовать, господин адвокат...

Во дворе ждал крытый автомобиль, кузов которого был внутри разделен решеткой на неравные части. В меньшей имелись два сиденья для охраны, а в большей по бортам тянулись лавки для заключенных.

Выстроив провинившихся в затылок друг другу, старший надзиратель начал досмотр, тщательно ощупывая одежду и заставляя открыть рот, чтобы посмотреть, не спрятано ли что-нибудь под языком.

Первым осмотрели Мензу и, надев ему наручники, втолкнули в провонявший бензином, нагретый солнцем кузов. Вторым шел Ривс. Вот и у него на запястьях щелкнули браслеты, и солдаты охраны – молодые парни, видимо недавно надевшие форму, – помогли ему подняться по ступенькам подножки тюремного автомобиля.

Покорно дал осмотреть себя Латур, казалось, совершенно равнодушно воспринимавший происходящее, полностью покоряясь судьбе. Подошла очередь Тонка.

На негнущихся ногах он шагнул вперед, чувствуя на себе полные отчаяния взгляды товарищей по несчастью, – сейчас руки надзирателя, опытного в своем деле, пройдут по одежде террориста и нащупают спрятанный в брючине нож, которым был заколот сегодня в драке бывший главарь шайки вымогателей Баглан, пожелавший, на свое несчастье, отобрать у китайца Мензы власть в тюрьме...

Управляющий казино «Горбатый бык» разговаривал по телефону, положив ноги на край стола. Играя телефонным шнуром, он уговаривал кокетничавшую манекенщицу встретиться сегодня вечером, обещая роскошный ужин и полную безумств ночь. Манекенщица хихикала, говорила глупости и делала вид, что совершенно не понимает, о чем идет речь, но Бэрх знал, какова женская натура, и не оставлял надежды добиться своего.

За окнами, прикрытыми жалюзи, ярилось солнце, прожаривая город, во дворе разгружали продукты и доносился шум двигателя грузовика, работающего на малых оборотах; снизу, из зала ресторана, долетали голоса официантов, сервировавших столы и перекликавшихся друг с другом. Мерно гудел кондиционер, сонная муха ползала по животу обнаженной красотки,

изображенной на большом настенном календаре, висевшем напротив стола Бэрха, и управляющий, чуть прищутив глаз, загадал – если муха доползет до укромного местечка ниже живота красотки, то свидание с манекенщицей сегодня состоится, а если нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.